

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Руководитель магистерской программы

«История» ВМ.5543.2014

Д.и.н., профессор Федоров С. Е.

_____ / _____ /

Председатель ГЭК,

Д.и.н., профессор Чистиков А. Н.

_____ / _____ /

Иржи Клецанда: научная и общественная деятельность в Санкт-Петербурге – Петрограде

В 1909-1918 гг.

Диссертация

На соискание степени магистра по направлению 46.04.01 История
магистерская программа - ВМ.5543.2014 «История»

Выполнил

Студент

Зубков Егор Игоревич

_____ (подпись)

Рецензент:

Сотрудник Газетного фонда РНБ

Решетов Антон Викторович

_____ (подпись)

Научный руководитель:

К.и.н., ст. преподаватель

Кибинь Алексей Сергеевич

_____ (подпись)

Работа представлена в комиссию

« ____ » _____ 2016 г.

Секретарь комиссии:

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Довоенный период (1909 - 1914 гг.).....	4
§ 1. Санкт-Петербургский Императорский Университет.....	4
§ 2. Библиотека Императорской Академии наук.....	11
§ 3. Чешское Вспомогательное общество в Санкт-Петербурге.....	24
Глава II. Участие в Чехословацкой революционной акции.....	39
(1914-1918 гг.).....	39
§ 1. Начало Первой мировой войны.....	39
§ 2. Союз Чехословацких обществ в России.....	55
§ 3. Петроградская оппозиция.....	68
§ 4. В революционной России.....	78
Заключение.....	92
Список использованных источников и литературы.....	93

**Иржи Клецанда: научная и общественная деятельность в Санкт-Петербурге – Петрограде
В 1909-1918 гг.**

Введение.

Обращение к жизни и деятельности чешского патриота Иржи Клецанды (1890-1918) обусловлено рядом обстоятельств. Первое – это желание лучше ознакомиться с движением чехов в России во время Первой мировой войны, Чехословацкой революционной акцией; проследить развитие этого движения глазами его непосредственного участника с первых заявлений отдельных чешских обществ в августе 1914 года и почти до начала открытого столкновения между Чехословацким корпусом и большевиками в мае 1918 года. Таким образом особенно интересным представляется вклад самого Клецанды в это развитие. Должность секретаря, которую он занимал в разных чешских организациях,

Одним из таких выдающихся, на наш взгляд, людей, был Иржи Клецанда, выходец из Праги, который, еще будучи молодым человеком приехал в Россию, в Петроград с целью получения университетского, а именно исторического образования, а в итоге оказался буквально на острие битвы за независимость своей Родины. Сын популярного журналиста и писателя, Иржи Клецанда был интеллигентным и образованным для своих лет человеком, готовым учиться и работать на поприще науки, однако начавшаяся Первая мировая война буквально не оставила ему выбора – он с гордостью встал в рядах тех свои земляков в России, которые хотели с помощью России освободить Чехию от многовекового господства Габсбургов. За свою недолгую (он умер в 28 лет от осложнений в легких) жизнь Иржи Клецанда сделал для чешского революционного дела очень много: был автором «Записки по чехословацкому вопросу», представленной к рассмотрению в Совет министров в первые дни войны, автором «Меморандума об

освобождении чешских земель Россией», представленного вниманию императора Николая II, сам лично встречался с императором в сентябре 1914 года в составе делегации от русских чехов. Являясь секретарем сначала Петроградского вспомогательного общества, а затем Союза чехословацких обществ на Руси, решал жизненно важные для общего дела вопросы защиты чехов-австрийских подданных от репрессивных мер, принятых с началом войны, делал все возможное для облегчения жизни чешских военнопленных, а с началом набора военнопленных в специально формируемые подразделения российской армии, старался, путем бесчисленных прошений и записок как военным, так и гражданским чинам, устранить препятствия в этом наборе и добиться увеличения численности этих воинских единиц. После Февральской революции, когда лидер чешского заграничного сопротивления Т.Г. Масарик прибыл в Россию, Иржи Клецанда был выбран им в качестве личного секретаря за «его трудолюбие, преданность делу революции, знание русских реалий, связи в правительственных, военных и академических кругах». Тогда же Клецанда становится секретарем Отделения Чехословацкого Национального Совета для России. Осенью 1917 года, когда руководство ЧСНС строило планы по использованию Чехословацкого корпуса или его отдельных частей на Западном фронте, в связи с чем было необходимо улаживать организационные вопросы дальнейшего формирования чехословацких частей с высшим военным командованием, Масарик назначает именно Клецанду уполномоченным ЧСНС при Ставке главнокомандующего. После Октябрьской революции, когда напрямую встает вопрос о выводе корпуса из России, Клецанда отправляется на переговоры с большевиками в Пензу, где, если верить словам биографа и друга Клецанды, Ярослава Папоушека, Клецанде приходится пригрозить военной силой корпусу самому Льву Троцкому. После этого Клецанда отправляется по Транссибу на восток, в Омск, с целью организации там новой резиденции ЧСНС для лучшего контроля за эвакуацией легионеров. Там он и находит свой конец.

Выше мы лишь в общих чертах начертали основные вехи в биографии молодого чеха, однако уже становится понятно, что это был выдающийся человек, полностью отдавший себя работе во благо Чехии. Тем не менее, до сих пор, как в чешской, так и в отечественной историографии, его имя если и не обходится стороной, то упоминается лишь в контексте тех или иных событий, связанных с движением российских чехов в годы Первой мировой войны. До сих пор существует всего две работы, изданных к десятилетней годовщине со дня смерти Клецанды. Это его биография, написанная писателем и историком Яр. Папоушекком «*Jiří Klecanda. Vojovník za věc národa. Osobnost, práce ze spisů*», Прага, 1928 год и небольшая статья также писателя и историка Йозефа Куделы «*O Jiřím Klecandovi*», Брно, 1928 год.

Папоушек, близкий друг Клецанды, постарался, насколько это было возможно, хронологически отразить в своем труде, чем занимался Клецанда во время войны. При этом он использует, в первую очередь, свои воспоминания от общения с ним и доступные ему документы, причем признает их крайне небольшое количество. Папоушек признает, что Клецанда не был создан для какого-то большого дела, выступлений на публике и просто не смог бы стать политическим лидером в силу своего молодого возраста и отсутствия необходимого опыта, но в то же время он утверждает, что канцелярская работа вкупе со связями Клецанды в столичных кругах во многом оказала решающее влияние на продвижение чешского дела в России. Также нам стоит иметь ввиду определенную степень героизации Клецанды, создание из него своего рода образа мученика, погибшего на чужбине за дело освобождения Чехии, для которой он так много сделал, но не смог увидеть ее свободы. Впрочем, эта идея характерна для легионерской литературы межвоенной Чехословакии. К сожалению, работу Куделы нам не удалось обнаружить в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы.

Иржи Клецанда родился 5 апреля 1890 года в Праге, в семье Яна Клецанды и Матильды Клецандовой. Его отец, чешский писатель и журналист, в свое время сновал в Теплице первую в городе школу с преподаванием на чешском языке, стал руководителем местной Чешской Беседы был в первых рядах борцов с немецким влиянием на чешское меньшинство в регионе¹, а после переезда в Прагу стал известным чешским писателем (его рассказ «Za půdu otců» был опубликован в сборнике «The Czechoslovak stories»² в Нью-Йорке в 1920 году наряду с работами таких известных чешских литераторов как Сватоплук Чех, Ян Неруда, Сватоплук Махар и др.

---

¹Jan Klecanda // URL: <http://www.knihovna-teplice.cz/index.php?scname=osobnosti&stranka%5B%5D=30&letter=K&person=94> (дата последнего обращения: 20.03.2016).

²Ibid, P. 241-276.

Глава I. Довоенный период (1909 -1914 гг.)

§ 1. Санкт-Петербургский Императорский Университет

Целью приезда юного чеха в российскую столицу было поступление в университет и получение исторического образования. Папоушек по этому поводу пишет, что Клецанду в Россию привел идеал ученого, к которому он стремился³. Имея некоторые разрозненные сведения об отношении Иржи Клецанды к Императорскому Санкт-Петербургскому Университету, мы попробуем связать их в хронологической последовательности и постараемся понять, как обучение в Университете повлияло на его дальнейшую деятельность.

Из свидетельства от 3 апреля 1912 года, выданного в канцелярии Санкт-Петербургского Университета, мы узнаем, что Иржи Клецанда «поступил в число студентов Императорского С. Петербургского Университета в ноябре месяце 1909 г. на правах южных славян на историко-филологический факультет»⁴. Нас должно смутить условие поступления, поскольку Клецанда все-таки являлся славянином западным. Но, как доказывает письмо профессора Н.В. Ястребова его пражскому коллеге, главе чешской позитивистской школы Я.Голлу, все это чудеса российской бюрократии: «Здесь находится Ваш Клецанда. Министерство переделало его в юго-славянина, чтобы таким образом он смог попасть в университет без дополнительных экзаменов (дело в том, что об этом существуют какие-то старые инструкции. Ну, знаете, наше чиновничество располагает такой силой, что легко сделает то, что не по силам английскому парламенту (надеюсь, что Клецанда скоро не станет из мужчины женщиной)»⁵. В Университете он проучился два с половиной года, поскольку весной 1912 года «согласно

---

³ Папоушек J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc naroda*. S. 7

⁴ РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1 Л. 10.

⁵ Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и борьба за независимость чехов и словаков. С. 32-33.

прошению и как не внесший платы за весеннее полугодие 1912 года»⁶, он был отчислен из Университета. В документах Клецанды мы находим отказ Министерства народного просвещения, датированный 27 января 1912 года, выданный Клецанде в ответ на его прошение с целью получения стипендии для совершения заграничной командировки для подготовки к профессорскому званию, в котором отмечено, что «... с указанной целью могут быть командированы лишь лица, окончившие курс университета»⁷. Из писем Клецанды академику Шахматову мы также узнаем, что Клецанда испытывал существенные материальные трудности в 1912 году. Вполне логично предположить, что Иржи Клецанда был вынужден покинуть Санкт-Петербургский Императорский Университет из-за финансовых затруднений.

В апреле 1912 года Иржи Клецанда приезжает в Прагу и поступает в Пражский Университет в качестве ординарного слушателя, что подтверждает выданное ему свидетельство за подписью ректора Пражского Университета, датированное 19 июня 1912 года⁸. Возможно, для оплаты обучения он использует стипендию в 200 крон, выделенные ему благотворительным обществом «Святобор» в конце апреля⁹. Ярослав Папоушек, описывая первую встречу с Клецандой в Киеве 28 августа 1916 года, вспоминает: «После первых слов радости от встречи, (...), мы оба вспоминали Прагу, учебу на историческом, планы, которые мы имели, и которые теперь кажутся такими далекими. (...). Никто из пражских профессоров не избежал добродушной критики. Слова восхищения смешивались с шуточными историями о разных их недостатках и увлечениях».¹⁰ Однако важно отметить то, что Клецанда не хотел оставаться в Праге, но вернуться скорее в Санкт-Петербург, и поступление ординарным слушателем в Пражский Университет было стратегическим шагом в плане возвращения. Объяснение этому утверждению мы находим в письмах Клецанды академику Шахматову. В

---

⁶ РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1 Л. 10.

⁷ Там же, Л. 7.

⁸ Там же, Л. 14.

⁹ Там же, Л. 12.

¹⁰ Papoušek J. Jiří Klecanda. Bojovník za věc národa. S. 7-8.

письме от 25 апреля 1912 года читаем: «...я, по всей вероятности, не буду здесь (в Праге – Е.З.) держать доктора, ибо задержало бы меня это еще до весны 1913 г. Приеду обратно в Петербург в начале августа (...) с так называемым *absolutorium*, которое получу в конце года. Я намерен хлопотать, чтобы мне зачли его как выпускное свидетельство и – следовательно – допустили к государственному экзамену»¹¹. Мы видим, что цель поступления в Пражский университет заключалась в получении выпускного свидетельства, в котором будет указано, что Иржи Клецанда в Праге прослушал полугодичный курс лекций, который не успел посетить в Петербурге по причине отчисления - с выпускным свидетельством Клецанда надеялся быть допущенным к государственному экзамену в Санкт-Петербургском Императорском Университете. В письме от 30 июля 1912 года, уже из Петербурга, Клецанда пишет Шахматову: «Диссертацию, надеюсь, скоро окончу; потом намерен хлопотать об допущении к государственному. Так как «*absolutorium*» уже получил, то имею право держать доктора у нас зимой; но допустят ли меня к государственному, [если да,] то предпочитаю выдержать этот, ибо все-равно хочу оставаться в СПб, где и – думаю – удастся как-нибудь устроиться, чтобы спокойно заниматься наукой»¹².

Несмотря на получение Клецандой *absolutorium`a*, он так и не закончил Университет. Возможно, это было связано с его повышением по службе в БАН в конце 1912 года, или занятостью в Чешском Вспомогательном обществе. Так же в самом Университете его могли просто не допустить к экзамену. Так или иначе, но за два с половиной года обучения Клецанда оставил в истории Университета свой небольшой, но все-таки сохранившийся отпечаток. Он был упомянут в «Отчете о состоянии и деятельности Императорского Университета за 1910 год»: «Под руководством прив.-доц. Владимира Николаевича Бенешевича в просеминарии по истории

---

¹¹СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. л. 4.

¹²Там же, Л. 13.

Византии студенты читали источники и представляли ряд рефератов из которых уже прочтены следующие: "Житие св. Андрея Критского, как исторический источник", г. Ю.И. Клецанда. Греческой палеографией усердно и аккуратно занимались гг. Штейнман и Клецанда»¹³. Спустя несколько лет после издания данного «Отчета» имя Клецанды будет соседствовать с именем его преподавателя в числе авторов «Обозрения трудов по славяноведению»¹⁴.

Что касается труда, над которым работал Клецанда во время обучения в Университете, то мы можем лишь предположить, что он тематически связан с рефератом, который он готовил к семинару Бенешевича, «Житие Андрея Критского как исторический источник». Известно, что Клецанда, несмотря на то, что он не продолжал учебу в Университете после 1912 года, 21 апреля 1913 года получил из Праги письмо, адресованное Юрию Клецанде как помощнику библиотекаря Императорской академии наук в Петрограде и содержащее ответ на его запрос в президиум Чешской академии наук Франца-Иосифа, а именно о том, что ему выделено 400 крон на исследовательскую работу на Балканах за подписью директора академии¹⁵. О том, что Клецанда действительно собирался предпринять поездку на Балканы, а именно в Грецию, свидетельствует его письмо от 22 июля 1913 года доктору Камиллю Крофте, на тот момент профессору Карлова университета: «В этом году, как мне кажется, в Прагу не приеду. Я должен был отказаться от отпуска, поскольку в следующем году на 4 месяца уеду в Грецию. На обратном пути остановлюсь в Праге и только потом займусь докторской. На исследовательскую работу у меня остается относительно мало времени, но за год, возможно, все сильно поменяется, и я не смогу заниматься ничем другим...»¹⁶.

---

¹³РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1 Л. 6.

¹⁴Обозрение трудов по славяноведению, составляемое А.Л. Бемом, М.Г. Долобко, Ю.И. Клецанда, С.С. Лисовским, Вс. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А.А. Шахматовым / Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. 1. СПб., 1913.

¹⁵РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1 Л. 20.

¹⁶Papoušek, J. Jiří Klecanda. *Vojovník za věc národa*. Praha, 1928. S. 12.

Спустя год, летом 1914 года, Клецанда действительно был в Чехии, и в частности в Праге, в командировке от Библиотеки Императорской академии наук, однако, к сожалению, у нас нет сведений, подтверждающих посещение им до этого Греции. В его отчете о поездке, опубликованном в «Отчете отделения русского языка и словесности Академии Наук за 1914 год»¹⁷ об этом ничего не говорится.

Папоушек, вспоминая свое впечатление от первого визита в петроградскую квартиру Клецанды, пишет о «его скромном, лилипутском быте в Петрограде», а также о том, как тот с гордостью показывал ему свою библиотеку, которую, «безусловно, собрал с большим старанием и ограничивая себя, как он с нежной любовью брал с полки одно за другим объемные издания византийских источников, с какой радостью рассказывал о своих подготовительных занятиях над крупной работой, которую сорвала война»¹⁸. Папоушек, ссылаясь на статью Йозефа Куделы об Иржи Клецанде¹⁹ допускает, что его семинарская работа об Андрее Критском была издана в «Отчете Императорской Академии наук», однако нами не было таковой там найдено.

Уже позднее, летом 1915 года, в разгар Первой мировой войны, в пору бурной деятельности Клецанды на посту секретаря правления Союза чехословацких обществ России, на страницах газеты «Чехословак» выходит его статья «К университетскому уставу (вопрос о лекторах славянских языков)»²⁰. Стоит отметить, что в период с мая по июль 1915 года в общественных кругах, в прессе активно обсуждался проект нового университетского устава, создание которого было инициировано графом П.Н.

---

¹⁷Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. Пг., 1914. С. 83-85.

¹⁸ Papoušek, J. Jiří Klecanda. *Vojevnik za věc naroda*. Praha, 1928. S. 10-11.

¹⁹ Kudela, J. *O Jiřím Klecandovi*. Brno. 1928.

²⁰ Клецанда И. К университетскому уставу (вопрос о лекторах славянских языков) // «Čechoslovak». № 6. S. 3.

Игнатъевым, министром народного просвещения из группы либеральных министров.

В своей статье Клецанда останавливается на том, что при обсуждении проекта нового университетского устава «между прочим было признано целесообразным и нужным расширение программы преподавания славянских языков, литературы и истории»²¹. Он надеется, что кафедра славяноведения «дождется по всей вероятности разделения на три, или по крайней мере на две кафедры, а именно: 1) по истории славянских народов, в том числе и славянских древностей и 2) по славянским литературам и языкам»²². Далее Клецанда сетует на плохо поставленное в Университете преподавание славянских языков, в подтверждение своих слов приводя выдержки из учебного плана за 1909-1910 гг. («чешский язык преподавался всего на всего один час в неделю, с примечанием: «для словесников и для историков, которые пожелают участвовать в 1910-1911 учебном году в семинарии по истории Гуситского движения»»²³) и за 1911-1912 («опять преподавался чешский язык, но ввиду того, что преподавал его профессор-языковед, все внимание обращалось на этимологию и сравнительное с другими славянскими языками изучение, вследствие чего лекции эти для историков или большинства студентов-неспециалистов не представляли особенного интереса»²⁴). Клецанда высказывается за освобождение профессоров от чтения лекций и введения лекторов по славянским языкам. Он хвалит «Программу испытаний по истории славянских народов в Государственной Историко-Филологической Комиссии и в курсовых комиссиях Историко-Филологического факультета Императорского С.-Петербургского Университета», составленную историком-славистом профессором Петроградского университета Н.В. Ястребовым, особенно удачное, на его взгляд, разделение программы на три главных отдела с подотделами, однако, в то же время, не упускает возможности оставить критическое замечание

---

²¹ К университетскому уставу (вопрос о лекторах славянских языков) // «Сѣchoslovak», № 6, S. 3

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

касательно того, что все рекомендуемые В.Н. Ястребовым пособия для изучения разных эпох – на русском языке. В конце статьи в качестве примера устройства преподавания славянских языков в Университете, Клецанда приводит Пражский университет, где «при его скромном бюджете, мог преподавать русский язык настоящий русский, польский язык – поляк, сербский – серб и т.д., и даже лужицко-сербский язык читал известный знаток Лужицы Адольф Черный»²⁵.

Несмотря на известную степень конъюнктурности, публикация этой статьи может свидетельствовать о том, что ее автору была не безразлична судьба его бывшего факультета и кафедры, на которой он обучался, равно как и идея славянской взаимности и понимания необходимости внедрения ее посредством включения в учебный план кафедры славяноведения большего количества практических курсов славянских языков.

Заканчивая параграф, мы должны констатировать ряд положений, которые мы выяснили в ходе работы над ним. Во-первых, Клецанда, проучившись два с половиной года из трех лет обучения в Санкт-Петербургском Университете, и позаботившись о получении выпускного свидетельства в Пражском Университете, так и не закончил полный курс. Это могло случиться по ряду объективных причин, связанных как с тяжелым материальным положением, так и с работой в других сферах деятельности. Во-вторых - тем не менее, за годы обучения Клецанда завел ряд знакомств, которые поддерживал и после ухода из Университета, и этот факт во-многом повлиял как лично на его будущее, так и на признание чешского дела во время войны со стороны российских академических кругов. В-третьих, Университет дал Клецанде импульс к занятиям научной деятельностью, развил в нем те аналитические и писательские навыки, которые в годы Первой мировой войныгодились чешскому делу в пропагандистской работе, в написании «Меморандума» и «Докладной записки о чешском вопросе»,

---

²⁵К университетскому уставу (вопрос о лекторах славянских языков) // «Čechoslovak», № 6, S. 3

равно как и статей для «Чехословака», одну из которых Клецанда посвятил лучшему будущему своего Университета.

§ 2. Библиотека Императорской Академии наук.

Настоящим призванием Иржи Клецанды стала работа в Библиотеке Императорской академии наук, на службу в которую он поступил в 1909 году сперва как подсобный рабочий, а на рубеже 1912-1913 годов был переведен в штат постоянных сотрудников в должности помощника библиотекаря Славянского отдела 1го отделения библиотеки и числился ее сотрудником вплоть до своей смерти весной 1918 года.

К сожалению, мы можем лишь предположить, чем занимался Клецанда в БАН до 1912 года, поскольку никаких упоминаний об этом в нами просмотренных документах найдено не было. Однако благодаря отчетам Славянского отдела и БАН в целом, а также самого Клецанды, сохранившимся письмам его директору БАН академику А.А. Шахматову и заведующему Славянским отделом БАН Э.А. Вольтеру, помощником которого и был Клецанда, мы можем составить представление о его деятельности в библиотеке в 1912-1914 годах.

В отчете от деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1912 содержится информация о том, что «из числа вольнонаемных служащих в Славянском отделе после трехлетней службы приглашен Юрий Иванович Клецанда в постоянные сотрудники библиотеки»²⁶. В то же время, сохранившееся в личных документах Клецанды письмо А.А. Шахматова с приглашением его «в Библиотеку Академии Наук для постоянных занятий с ежемесячным вознаграждением»²⁷ датировано 7 января 1913 года. В своих письмах А.А. Шахматову в 1912 году Клецанда по крайней мере дважды выражал желание и надежду на переводение в число постоянных сотрудников Библиотеки. В своем письме от 17 мая 1912 года, из Праги, Клецанда сожалеет о том, что не имеет полномочий от Славянского отдела БАН для приобретения большого количества книг, уточняя, однако, что рассчитывает «и так получить кое-что для Академии»²⁸. О Славянском Отделе и дальнейшей работе в БАН пишет

---

²⁶Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1912 г. СПб., 1912. С. 48.

²⁷РГИА. Ф. 863 О. 1 Ед. 6 Л. 18

²⁸СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л. 6.

следующее: «Чувствую, что к Славянскому Отелу уже прирос. Прямо-таки скучаю и утешаюсь уже, когда опять буду в Петербурге посещать Академию. Вообще было бы моим желанием и радостью остаться уже в службах Академии, что же и наверно обеспечило бы мои научные занятия, которые – понятно по мере моих способностей – несмотря на всю тяжесть препятствия – хочу честно исполнять»²⁹. Второе упоминание о желании Клецанды стать постоянным сотрудником БАН, в более аргументированной форме, мы находим в письме от 1 сентября 1912 года, написанном уже в Санкт-Петербурге: «Глубокоуважаемый Алексей Александрович, (...) осмеливаюсь просить Вас – если это возможно – об упрочении моего положения в библиотеке. Как я Вам уже писал, останусь теперь в России самое меньшее десять лет, а то – может быть – и совсем. Постоянное и определенное место (если возможно помощника) сделало бы возможной мою научную работу»³⁰. Основными аргументами в пользу Клецанды, по его мнению, является безукоризненная работа в БАН в течение трех лет, а также слова Э.А. Вольтера о том, что его работа вполне удовлетворяет требованиям Славянского отдела³¹. Мы понимаем, что выражения надежд и желаний в письмах директору Академии Наук было бы недостаточно для того, чтобы вольнонаемный служащий был переведен в постоянный штат БАН, почему ниже мы предпримем попытку описать, какую пользу оказал Иржи Клецанда Библиотеке и Академии в целом в течение 1912 года.

В том же отчете отделения русского языка и словесности за 1912 год читаем: «Он (*Иржи Клецанда – Е.З.*) занимался, как и в прошлом году, просмотром славянских журналов, следя, таким образом, за новыми изданиями, не входящими в библиографические указатели; составил систематический каталог для старых чешских печатных книг вместе с другим сотрудником С.О. Начал подготовительную работу для систематического каталога научных статей, появившихся в разных славянских сборниках и

---

²⁹СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л. 6-7.

³⁰Там же, Л. 14.

³¹Там же.

журналах». В этой краткой характеристике деятельности Клецанды в Славянском отделе нам кажется странным отсутствие упоминания о большой работе, которая занимала значительную часть времени и сил молодого сотрудника БАН, по крайней мере целых два года - с начала 1912 и до конца 1913 годов, а именно перевод на русский язык «Słownik dolnoserbbskeje řeсу»³² выдающегося филолога-слависта и серболужицкого гуманиста Арношта Муки (1854-1932).

А. Мука работал над «Словарем» большую часть своей жизни. Он исходил пешком всю Нижнюю Лужицу, посетил все ее села, записывая живую речь народа. Когда работа над «Словарем» подходила к концу, им заинтересовались Берлинская и Венская академии наук, но Мука стремился издать свой труд на базе Российской академии. А.А. Шахматов, понимая значение подобного издания, еще в 1901 году предложил Муке осуществить его на средства Отделения русского языка и словесности Российской академии. Принимая во внимание высокую научность раб Муки, Академия не ставила ему никаких требований в отношении содержания словаря. Однако из-за революции 1905-1907 годов и дальнейшего отсутствия свободных средств, реальная работа над изданием началась только в 1911 году. 18 марта 1911 года А.А. Шахматов известил Муку, что средства на издание его «Словаря» Академией получены. Работа по переводу была поручена молодому помощнику библиотекаря Славянского фонда Иржи Клецанде³³. На наш взгляд, было, как минимум, две причины для такого решения. Во-первых, вполне логичным выглядело доверить работу над словарем западнославянского языка образованному чеху; во-вторых, Иржи Клецанда за два года исправной службы в БАН зарекомендовал себя перед библиотекарем

³² Słownik dolnoserbbskeje řeсу a jeje narěcow. Praha, Nákladem České akademie věd a umění, 1928.

³³ Лаптева Л.П. Сурболужицкий национальный деятель Арношт Мука (1854-1932) и его связи с русскими учеными // Славяноведение. 2005. № 4. С. 77-78.

Славянского фонда Э.А. Вольтером, который в свое время учился вместе с А. Мукой в Лейпцигском университете под руководством профессора А. Лескина³⁴, что также могло оказать существенное влияние на выбор сотрудника.

К сожалению, мы не можем установить точной даты, когда Клецанда приступил к работе над переводом. Первое же подробное письмо с описанием одного из этапов работы датировано 25 апреля 1912 года. В этом письме А.А. Шахматову из Праги Клецанда сообщает о своей встрече с профессором Мукой и о том, что получил от него географический словарь с указаниями и список всех сокращений, почему Клецанда выражает надежду, что «теперь уже все переведено будет совершенно правильно. На этих днях возвращаю проф. Муке 416 карточек, т.е. букву «Д»»³⁵. Словосочетание «теперь уже» предполагает то, что к моменту встречи с Мукой в Праге в апреле 1912 года Клецанда некоторое время работал над переводом, допуская некоторые ошибки, что могло не устроить заказчика работы. В связи с этим предположением нам следует привести более раннее письмо А.А. Шахматову, от 17 февраля того же года, в котором Клецанда благодарит Шахматова за некую корректуру, сообщает, что исправил свои ошибки и обещает не совершать их «в последующих выпусках»³⁶. Мы не можем быть полностью уверены, что здесь подразумевается именно работа над «Словарем», однако подобный ответ не сходится с теми видами работы, которые указаны в «Отчете первого отделения Академии наук», поскольку в самом начале 1912 год он мог вести лишь подготовительную работу над каталогами, изданными в 1913 году.

---

34 Лаптева Л.П. Сурболужицкий национальный деятель Арношт Мука (1854-1932) и его связи с русскими учеными // Славяноведение. 2005. № 4. С.

35 СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л.1

36 Там же, Л. 2

Также в этом письме содержится интересное указание на некие слухи, о том, что «Чешская Академия отказала в участии в Союзе только в данное время, ибо не имеет денег даже на свое издание. Но как только Чешский сейм становится работоспособным, и значит – земские финансы поправятся, то Академия, имея средства, с радостью примкнет к Союзу.»³⁷. Совершенно точно речь в этом отрывке идет о предполагаемом создании Союза славянских академий, одним из несостоявшихся неославистских проектов. В работе З.С. Ненашевой «Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века» мы находим следующие строки, написанные в доказательство того, что уже в 1912 году часть чешской интеллигенции сменила ориентацию с русофильства на сближение с Веной: «Так, на приглашение Отделения русского языка и словесности Академии наук славянским академиям собраться для обсуждения вопроса об образовании союза славянских академий откликнулись только София, Белград и Загреб. Прагу пришлось «склонить к участию». И.В. Ягич вынужден был вступить в переписку с проф. Ф. Пастрнеком»³⁸. Однако эти обсуждения не привели впоследствии к какому-нибудь серьезному результату.

В следующем письме из Праги, от 17 мая 1912 года, Клецанда сообщает, что буква «Д» отослана Муке, и выражает сожаление по поводу полученного им письма А.А. Шахматова, в котором, судя по всему, имелись замечания насчет проводимой им работы, и в оправдание ссылается на возможную спешку в «СП» (*вероятнее всего, имеется в виду Санкт-Петербург – Е.З.*)³⁹. Далее в письме поднимается спорный, по мнению Клецанды, вопрос касательно упоминания разных видов глаголов: «Не знаю только, как мне поступить, приводит-ли проф. Мука на пр.: - (Verb. Perf.) & - (Verb. Imperf.) & - (Verb. Moment.). То следует ли мне указывать в русском переводе тоже все *vidy*, или только основное «Verb. Perf.»?»⁴⁰. Ответ был

37^{СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л. 4}

38^{Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм 1898-1914. М.: Наука, 1984, С. 187.}

39^{СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л. 5}

40^{Там же, Л. 6}

очень важен для чеха, почему он просил Шахматова ответить на него «хотя бы открыткой», а также просил сообщить ему, «надо-ли так сказать – «мимоходное указание» (в прошлом письме)» Шахматова считать его «решительным желанием?»⁴¹. В отношении оформления Словаря нам будет интересен другой отрывок этого письма, из которого мы можем заключить, что проф. Мука и проф. Шахматов имели диаметрально противоположные мнения относительно географической составляющей словаря, а именно: «Название местностей проф. Мука просил всегда приводить, а именно в транскрипции Лужицких названий. Потому и прислал мне Лужиц. Географический словарь. (...) Вы опять предлагаете не приводить названий»⁴². Это противоречие между автором и издателем весьма показательное. Как пишет Лаптева в своей статье об Арноште Муке, Шахматов и Мука в своей активной переписке постоянно касались разных вопросов, связанных с изданием, и Мука в своих письмах выражал недовольство многим: медленным продвижением работы, размером гонорара, включением в словарь перевода слов на русский язык - а Шахматову приходилось разьяснять возникавшие вопросы⁴³. Далее в своем письме Клецанда сообщает о текущей работе над «Словарем», в частности о том, что работал над буквой «Д» три недели и надеется на хороший результат, а букву «Н» отошлет в течение 10-14 дней, в связи с чем присылает вместе с письмом расписку на гонорар и извиняется за «финансовую аккуратность», добавляя, что деньги ему нужны для поездки в Милан с целью посещения Амброзианской библиотеки⁴⁴.

В следующем письме Шахматову, конверт от которого датируется 4 июня 1912 года, Клецанда благодарит за присланные деньги, которые пришли «как раз вовремя» и сообщает, что в день написания письма он уезжает в Милан⁴⁵. Планируя встретиться с проф. Мукой по возвращении из Милана, Клецанда снова сообщает о работе над «Словарем»: он перечисляет буквы,

---

⁴¹Там же.

⁴²Там же.

⁴³Лаптева, С. 79

⁴⁴АРАН СПб: Ф. 134, О. 3, Ед. 678, Л. 6

⁴⁵Там же, Л. 8

которые уже закончил переводить («Ch, J, Y»), и которые у него находятся в данный момент («X, И, Й, К, F и L - всего вместе 1721 карточек»)⁴⁶ и, в подтверждение своей «финансовой аккуратности», просит выслать ему гонорар за эти карточки до 20 июня⁴⁷.

Последнее сообщение Клецанды из Праги (не письмо, а визитная карточка с текстом) датировано 24 июля, то есть, на полтора месяца позже предыдущего. В нем Клецанда приносит свои извинения за беспокойство и просит Шахматова не сердиться, сообщая, что получил его письмо «только сегодня». Насчет «Словаря» пишет, что проф. Мука вернул ему просмотренную им букву «Д», корректуру которой Клецанда передаст Шахматову в Санкт-Петербурге⁴⁸. И опять мы встречаем упоминание финансовых затруднений: как пишет Клецанда – если бы не присланные Шахматовым деньги, билет на дорогу в Санкт-Петербург пропал бы⁴⁹.

Письмо от 30 июля отправлено уже из Санкт-Петербурга. В нем Клецанда сообщает о том, что «посещает правильно Славянский Отдел» и жалуется на отсутствующего в столице Павла Константиновича Симони, российского филолога-палеографа и источниковеда, поскольку не знает, куда отправить ему расписку и выслал ли он вообще деньги⁵⁰. О «Словаре» сообщает, что выслал корректуру (судя по всему, буквы «Д») Шахматову, «предполагая, что без Вашей подписи все равно не имеет в типографии значения»⁵¹, а букву «Н» оставил у себя, поскольку «ибо проф. Мука просил никому другому не передавать в руки, как только Вам»⁵². Так же Клецанда сообщает, что ему удалось привезти несколько интересных книг и выхлопотать для Академии пожертвование изданий «Земедельске рады про земе Коруны ческе» и медицинского журнала чешских врачей⁵³.

---

⁴⁶ Там же, Л. 9

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, Л. 11

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ АРАН СПб: Ф. 134, О. 3, Ед. 678, Л. 12

⁵¹ Там же, Л. 13

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Последнее сообщение Клецанды, в котором упоминается работа над «Словарем», датируется 1 сентября, после приезда Шахматова в Санкт-Петербург. В нем Клецанда сообщает только о том, что, узнав о возвращении Шахматова из отпуска, он отправил ему карточки с буквой «Н»⁵⁴.

В просмотренных нами материалах больше не встречалось информации о работе Клецанды над данным «Словарем», но поскольку первая часть «Словаря» издавалась с 1911 по 1915 год, мы можем предположить, что Клецанда принимал участие в ее издании, а вопросы, с ней связанный, он мог решить при личной встрече с А.А. Шахматовым в Академии наук, что объясняет отсутствие писем на данную тему. Объем словаря, включавший параллели западнославянских, древнеславянского и русского языков, составил 80 печатных листов. В 1915 году академическая типография имела в наборе 64 листа труда⁵⁵.

Что касается следующего, 1913 года, то в Славянском фонде библиотеки Академии наук мы нашли несколько изданий, автором или соавтором которых он числится. Во-первых, это «Каталоги сербских периодических изданий, книг и брошюр»⁵⁶ с автографом автора «Юрий Клецанда» на титульном листе, а во-вторых, «Обозрение трудов по славяноведению»⁵⁷, оттиск из которого также находится в Славянском Фонде⁵⁸. Стоит отметить, что в одном из писем Шахматову, в марте 1913 года, Клецанда покорнейше просил подписать ему расписку на выдачу журналов из II отделения Академии наук, нужных для «Обозрения»⁵⁹.

Особого внимания заслуживает командировка И. Клецанды в Чехию и Моравию летом 1914 года. Во-первых, поскольку Академия наук отправляла

---

⁵⁴Там же, Л. 14

⁵⁵Лаптева, С. 79

⁵⁶Каталоги (II). Списки сербских периодических изданий, книг и брошюр. Спб, 1913.

⁵⁷Обозрение трудов по славяноведению, составляемое А.Л. Бемом, М.Г. Долобко, Ю.И. Клецанда, С.С. Лисовским, Вс. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А.А. Шахматовым под редакцией В.Н. Бенешевича. Выпуск 1. Спб.: Типография Императорской Академии наук., 1913.

⁵⁸Ю.И. Клецанда, Чешско-словацкая литература, история и древности в 1913 г. Отдельный оттиск из издания «Обозрение трудов по славяноведению», 1913 г, выпуск 1. Петроград: Научное дело, 1915.

⁵⁹АРАН СПб: Ф. 134, О. 3, Ед. 678, Л. 15

его туда с важной миссией, а именно «с целью пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки»⁶⁰. Во-вторых, потому что эта поездка, прерванная войной, стала своего рода плацдармом, с которого молодой чех-патриот начал активную борьбу за свободу Чехии, и вел ее до самой смерти. Мы можем предположить, что эта поездка была идеей самого Клецанды, который, в поиске источника финансирования, мог обратиться за помощью к академику А.А. Шахматову, как, например, вот в этом письме от 22 апреля 1914 года: «Глубокоуважаемый Алексей Александрович, найдете-ли возможность представить Отделению мою просьбу в сегодняшнем заседании. Я был бы очень благодарен»⁶¹. Впоследствии, в его «Отчете о поездке» будет упомянуто, что поездка была предпринята благодаря материальному содействию, оказанному ему Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук⁶². В свидетельстве за подписью Шахматова (на немецком и русском языках), выданном Клецанде ровно через месяц, 22 мая, указывается, что он «командируется в Венгрию для приобретения чешских и словацких изданий в землях Королевства Чешского и в северной Венгрии, равно как и для изучения постановки чешской и словацкой библиографии, и регистрации печатных изданий на чешском и словацком языках»⁶³.

Уже в следующем письме, датированном месяцем позднее, 24 мая, Клецанда просит у Шахматова разрешение на получение нескольких изданий, которые хочет взять с собой в Чехию и Словакию, а именно: 1) 10 каталогов изданий Отделения Русского языка и словесности; 2) 3 экземпляра «Иконографии» акад. Кондакова с пометкой о том, что они предназначены для редакций «Volny Smery», «Veraikon» и «Dilo»; 3) 2 экземпляра «Графики»

---

⁶⁰Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. – Пг., 1914. С. 83-85

⁶¹АРАН СПб: Ф. 134, О. 3, Ед. 678, Л.19

⁶²Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. – Пг., 1914. С. 83

⁶³РГИА: Ф. 863, Оп. 1, Д. 7, Л. 2

Ячича⁶⁴. В «Отчете» Клецанды мы узнаем, что на разосланные им бланки с просьбой о предоставлении Славянскому Отделу отчетов средних учебных заведений, в которых помещаются научные статьи, до конца пребывания в Моравии (до 16 июля ст. ст.) он получил приблизительно половину удовлетворительных ответов, а отчеты заполнили два больших ящика, которые Клецанда оставил «в надежном месте»⁶⁵. Помимо профессоров Торговопромышленной Академии города Простеёва, предоставивших свои научные труды, свои издания предоставили также редакции следующих журналов:

- «1) Moravsko-Slezská Revue. I–VIII. Brno
- 2) Zemědělská Politika. I-VII. Brno
- 3) Ochrana dítěte. I-IV. Brno
- 4) Časopis Matice Moravské (недостающие номера за предыдущие годы).

Brno

- 5) Věstník klubu přírodovědeckého. I-XI. Простеёв
- 6) Veraikon. Praha
- 7) Časopis za Starou Prahu. I-VIII. Praha
- 8) Zemědělské listy. Praha
- 9) Zemědělské zprávy. I-XL. Praha
- 10) Nové Hořické Noviny. I-XVIII. Горжище
- 11) Česká Viden. - Вена»⁶⁶.

Помимо этого Клецанде также удалось получить для Академии, «благодаря любезности стажера Совета, доктора Яр. Выстыда», все издания Земледельческого Совета Королевства Чешского в Праге (Zemědělská Rada), в количестве около 500 книг и брошюр, а «посредничеством секретаря Национального Совета, А. Сейферта», Клецандой были получены все издания Совета (Národní Rada)⁶⁷. Мы можем с уверенностью утверждать,

---

64[□] АРАН СПб: Ф. 134, О. 3, Ед. 678, Л. 20

65[□] Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. – Пг., 1914. С. 84

66[□] Там же.

67[□] Там же.

успехи в приобретении вышеназванных изданий были достигнуты во многом благодаря, во-первых, академическим связям пражанина Клецанды, который, как мы уже упоминали, работал стажером в Земском Архиве, был студентом Пражского Университета, сотрудничал с таким известным ученым, как Арношт Мука, и, во-вторых, его тесной связи с Национальным Советом, заседания которого он при возможности посещал и, как пишет Папоушек, даже выступил на одном из них в мае 1914 года⁶⁸.

Далее в своем «Отчете» Клецанда сообщает о книготорговцах, с которыми он завязал контакты. Это некий Компиш из Ружомберка по вопросу относительно покупки редкой по своему подбору библиотеки словацкого деятеля Иосифа Милослава Гурбана, и пражский книготорговец Ф. Бачковский, «предоставивший для Академии свой полнейший карточный каталог, особенно ценный в отношении литературных произведений за 1869-1889 годы, так как этот двадцатилетний период до сих пор не нашел своего библиографа»⁶⁹.

К сожалению, начавшаяся в Австро-Венгрии мобилизация и перспектива в случае промедления не успеть выехать в Россию, вынудили Клецанду прервать свою командировку, не дождавшись значительной части обещанных книг. Насколько нам известно, часть изданий, им к началу войны уже полученную, Клецанда по договоренности с хозяином курорта Лугачовицы, оставил на хранение в гостинице⁷⁰. Дальнейшая их судьба нам неизвестна.

По возвращении в Санкт-Петербург Клецанда полностью посвятил себя общественной работе. Аудиенция у Николая II 4 сентября 1914 года, написание «Меморандума», создание Союза Чехословацких обществ на Руси, забота об интернируемых и военнопленных земляках и т.д. - все это отнимало большую часть сил и времени молодого библиотекаря БАН, и, судя по

---

68 Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa. Osobnost, práce ze spisů*. Praha, 1928, S. 33

69[□] Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. – Пг., 1914. С. 85

70 РГИА: Ф. 863, О. 1, Ед. 7, Л. 4

отсутствию каких-либо научных публикаций или отзывов о его деятельности в ежегодных «Отчетах Первого отделения Академии наук» за годы войны, он прервал составление библиографических каталогов. Но в то же время он не перестал посещать БАН и как исследователь - в поисках информации для пропаганды чешского движения, его научного обоснования, подтверждая тем самым выдвинутую Я. Папоушеком идею восприятия Библиотеки Императорской Академии наук в качестве сокровищницы, из которой можно было черпать материал не только для газеты «Чехословак», но также и для «широко известного меморандума о чешском вопросе, который вышел из-под пера чехов, среди которых был и проф. Масарик»⁷¹.

В знак благодарности за опыт и знания, полученные в стенах Библиотеки, Клецанда сделал многое и для нее. Принимая во внимание упомянутые выше каталоги славянских изданий и организацию договоренностей (хоть и не до конца реализованных) в чешских академических и букинистических кругах по вопросу об обмене книгами во время его командировки, нам стоит также засвидетельствовать тот факт, что Славянскому Фонду досталась часть личной библиотеки Иржи Клецанды: книги, журналы, газеты. Издания поступили в фонд двумя партиями – в 1916 и 1922 годах. Если в 1916 году Клецанда лично передал отдельные номера тринадцати журналов⁷², то спустя четыре года после его смерти в фонд поступило более сотни единиц хранения⁷³. Среди книг мы находим как труды К. Гавличека-Боровского, Т.Г. Масарика, так и произведения старшего брата Иржи Яна Гавласы.

Таким образом мы можем констатировать, что служба Иржи Клецанды в БАН не только дала ему необходимые для работы библиографом навыки и открыла перспективы к применению сведений о чешской истории, содержащихся в недрах Библиотеки, в пропагандистской работе, но и

---

⁷¹ Papoušek J. Jiří Klecanda. Bojovník za věc národa. Osobnost, práce ze spisů. Praha, 1928, S. 14

⁷² См. Прил. I.

⁷³ См. Прил. II.

воспитала для самой Библиотеки достойного, трудолюбивого и благодарного сотрудника, завещавшего ей самое дорогое, что у него было.

§ 3. Чешское Вспомогательное общество в Санкт-Петербурге

Если в двух предыдущих параграфах нашей задачей было показать ту сторону деятельности Клецанды, которую можно назвать академической -

учебу в Университете и работу в БАН -, то в данном параграфе мы взглянем на Клецанду как на активного сотрудника Чешского Вспомогательного общества, организации чешского землячества в Санкт-Петербурге. Значительная часть параграфа посвящена исключительно Чешскому Вспомогательному обществу, истории его становления и развития в российской столице с 1877 года. Изложена эта история в хронологическом принципе и базируется на некоторых, привлеченных нами для исследования, «Отчетах Чешского Вспомогательного общества в Санкт-Петербурге». Мы посчитали эту историю уместной, поскольку так мы сможем выделить основные аспекты деятельности и заботы деятелей чешского землячества на разных этапах его существования и составить представление о характере деятельности самого Иржи Клецанды. Мы пришли к такому решению в связи с крайне ограниченным доступным нам материалом по данному периоду его деятельности.

Чешское Вспомогательное общество появилось в 1877 году. Оно выросло из «Чешской беседы», располагавшейся на Большой Морской улице. В 1877 году было создано правление общества, начата кассовая книга, в которую заносились суммы поступлений в виде членских взносов, пожертвования, а также суммы расходов денежных средств. Разместилось общество в гостинице «Новая Рига» на Казанской улице, дом 27. В «Уставе Чешского вспомогательного общества», утвержденном Министром внутренних дел генерал-адъютантом Тимашевым 12 ноября 1877 года, говорилось о том, что целью Общества «является подание всякого рода помощи соотечественникам, проживающим временно или постоянно в Санкт-Петербурге», при этом помощь должна выражаться в советах, денежном вспомоществовании, ссуде денег нуждающимся, вспомоществовании сиротам и детям бедных чешских родителей.

Каждый год Общество публиковало «Отчеты о деятельности Чешского Вспомогательного общества», в которых в виде небольшой статьи изложены основные события в его жизни за прошедший год, названы члены правления,

то есть председатель, товарищ председателя, казначей, секретарь, члены, кандидаты и ревизоры, а также в виде списка поименно перечислены все рядовые члены общества с указанием даты вступления, адресом проживания и, впоследствии, телефоном. Помимо этого, в качестве приложения составлялась таблица с финансовыми показателями и состоянием казны.

В отчете за 1880 год говорилось: «Тихо и скромно идет дело Чешского Вспомогательного общества, незаметно увеличивается число членов, медленно развиваются его средства, но оно существует и развивается. Своим существованием оно сосредотачивает и сближает членов чешской семьи, разбросанных в обширном городе; своею готовностью облегчать нужды бедствующих оно поддерживает бодрость многих тружеников»⁷⁴.

Отчет за 1884 год сообщает о детском празднике с елкой, устроенном «по инициативе нескольких господ членов в третий день Рождества, где молодое поколение впервые сошлось и предалось всецело радости и веселию». Так же автор «Отчета» с прискорбием сообщает об утрате «лучшего своего члена: Иван Федорович Шрамек, долголетний председатель и почетный член Общества, скончался 19 июля 1884 года на даче близ станции Белой, по Варшавской железной дороге, где он и погребен». Иван Федорович брал живейшее участие в делах Общества с самого его основания, помогал всем к нему обращающимся советом и делом»⁷⁵.

В этом же «Отчете» содержится информация о состоянии бюджета Общества и его расходах, из которой мы узнаем, что за семь лет существования Общества, на организацию и пополнение библиотеки было потрачено примерно в полтора раза больше средств, чем на выдачу пособий нуждающимся (532.07 рубля и 372.73 рубля соответственно), а на устройство места на Католическом кладбище – 503.15 рублей⁷⁶.

Юбилейный двадцатый год существования Чешского Вспомогательного общества был отмечен следующими знаменательными

---

⁷⁴ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1880 год, СПб, 1881.

⁷⁵ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1884 год. СПб., 1885, С. 3-4

⁷⁶ Там же.

событиями. В начале 1897 года Общество, вследствие многих неблагоприятных обстоятельств, находилось в весьма затруднительном и печальном положении. В связи с этим избранное 5 апреля 1897 года Правление Общества с председателем А.А. Новотным от своего имени «выслало депутацию с целью пригласить в свой круг здесь проживающих соотечественников, которые членами Общества не состояли, или же в виду неудовлетворительной деятельности его за последние года, из него выступили. Попытка эта увенчалась успехом и число членов значительно увеличилось»⁷⁷.

Если в начале года дела Общества шли не очень благоприятно, то этого нельзя сказать о второй половине года. На чрезвычайном общем собрании 4 октября была высказана идея предложить графу П.Н. Игнатьеву пост протектора Общества, на что граф, «весьма благосклонно приняв» депутацию Общества, согласился. Помимо этого, он также предложил Обществу под его нужды помещение в Славянском Благотворительном Обществе, по адресу Звенигородская, 24, что с радостью было принято Правлением⁷⁸.

По поводу двадцатой годовщины существования Общества 6-го Декабря 1897 года, устроено торжественное собрание и концерт в зале ресторана «Контан». Проживающие в Санкт-Петербурге чешские артисты, в том числе: Г-жа Конокотина, гг. Коукал, Кучера, Палечек, Шоллар и другие, исполнили музыкальную часть программы, за что им от имени Общества принесена искренняя благодарность⁷⁹.

Следующий, 1898 год, был отмечен празднованием столетнего юбилея со дня рождения выдающегося чешского общественного деятеля Ф. Палацкого. «По этому случаю Обществом устроен Ноября 21-го дня, в зале С.-Петербургского Городского Кредитного Общества, литературно-музыкальный вечер, привлекший огромную массу публики, как из числа

---

⁷⁷Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1887 год. СПб., 1899, С. 2

⁷⁸Там же, С. 3

⁷⁹Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1887 год. СПб., 1899, С. 2-3

Чехов, так и Русских и других Славян. Товарищ Председателя В.И. Кривош в краткой речи познакомил публику с личностью Ф. Пацалкого и указал на огромные заслуги, которые он себе приобрел своею деятельностью на пользу Чешского народа⁸⁰.

«Отчет» за 1904 год предваряется своего рода предисловием, в котором его составитель секретарь Ф.Ф. Цивин выказывает солидарность с «братским народом» в русско-японской войне: «Больно отзывались в чешском народе все неудачи русского оружия и непрерывное проливание славянской крови в чуждой стране. И мы, незначительная часть чешского народа, здесь в Петрограде с теми-же чувствами следим за ходом военных действий на Дальнем Востоке, где величайший славянский народ истекает кровью и где гибнут лучшие его силы, и у нас исчезает вера в мощную, непобедимую и здоровую защитницу славянства – Россию...»⁸¹. Также сообщается, что Правлением Общества посредством редакции газеты «Новое время» была пожертвована скромная сумма в 200 рублей в пользу вдов и сирот убитых русских воинов.

Что касается культурной программы Чешского Вспомогательного общества за 1904 год, то Правлением были организованы следующие мероприятия: 31 января был устроен костюмированный был в зале Железнодорожного клуба (не отличался оживлением вследствие открывшихся военных действий, но тем не менее был многолюден); 13 ноября - вечер в память А. Дворжака (была зачитана биография покойного композитора и затем исполнено несколько его произведений); три вечера были посвящены чтению докладов (9 января - о Гавличке, 25 июня - о Яне Гусе и 16 октября - о Мирославе Тырше); любителями драматического искусства было поставлено в течение года три пьесы («Poupě», «Nabidnutí k snatku v Politice» и «Rozveselená rodina»); также членами Общества было совершено две летние совместные прогулки (20 июня - в Лигово, и 14 Июля -

---

⁸⁰ Там же, С. 4

⁸¹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1904 год. СПб., 1905, С. 3

по Неве в Орешек); к завершению года, 26 декабря, в помещении Русского Собрания устроена была «Елка», а 31 декабря - «Встреча Нового Года»⁸².

В 1907 году члены Общества праздновали очередной юбилей. По этому поводу 10 ноября в зале Железнодорожного клуба состоялось торжество, привлекшее большое число посетителей. В этот вечер любители драматического искусства из числа членов Общества сыграли под руководством г-на Ф.И. Янковского комедию «Золотое Перо». В музыкальной части любезно участвовали: Солист Его Величества В.И. Главач с дочерью и Г-жа М.Ф. Шоллар. Г-жа А.В. Бежоева способствовала настроению вечера чудным чтением некоторых стихотворений⁸³.

Что касается событий, оставивших след в «Отчете» за 1907 год, то среди них автор особо отмечает смерть трех авторитетных членов Общества. Это два чеха - директор 12-ой Санкт-Петербургской гимназии действительный статский советник И.В. Франк и оружейник Ф.О. Мацка, «имя которого было хорошо известного любителям хорошего ружья по всей России»; и один русский – полковник В.В. Комаров, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., журналист и славянофил⁸⁴.

Автор «Отчета» за 1907 год, Осип Осипович Горничек, жалуется на то, что уменьшились поступления от членских взносов «на целых 100 рублей, что конечно при скромных средствах Общества представляет довольно значительную сумму». Однако в то же время он указывает, что несмотря на уменьшение поступлений в казну Общества, «выданные вспомоществования достигли суммы 315 руб., т.е. на 117 руб. больше, чем в 1906 году»⁸⁵. Также Горничек отмечает «то печальное явление, что еще до сих пор много живущих в С.-Петербурге соотечественников сторонится из неизвестных причин Общества, и высказывает искреннее желание, чтобы ему в скором времени удалось преодолеть недоверие и антипатию этих лиц, дабы наконец

82¹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1904 год. СПб., 1905, С. 5-6

83¹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1907 год. СПб., 1908, С. 7

84¹ Там же, С. 6

85¹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1907 год. СПб., 1908, С. 5

все соединилось к достижению предначертанной себе, гуманной и культурной цели». Подобные сожаления о нежелании чешских земляков присоединятся к Чешскому Вспомогательному обществу в Санкт-Петербурге встречаются и в более ранних отчетах. Увы, мы не можем установить точной причины такого нежелания. Причиной могло быть как несогласие с политическими взглядами ведущих представителей Общества, так и банальным нежеланием платить членский взнос. Однако это доказывает, что не все чехи, проживающие в российской столице, хотели обособиться в землячестве, своеобразном клубе по интересам.

Интересно продолжение этой темы в «Отчете» за 1909 год, который, для Чешского Вспомогательного общества в Санкт-Петербурге, по мнению Горничека, прошел под знаком идей неославизма. Действительно, в апреле-мае 1909 года Санкт-Петербург стал площадкой для проведения съезда неославистов, который продемонстрировал участникам проявившиеся разногласия в их взглядах и стал своего рода предвестником крушения надежд на сближение всех славянских народов⁸⁶. Горничек (вместе с председателем Общества И.И. Кабеле и казначеем Ф.И. Рейфом) присутствовавший на рауте, устроенном Государственной думой по поводу приезда организаторов предполагаемого съезда⁸⁷, и ощутивший энергию происходящего, писал в «Отчете» о том, что 1909 год, «начавшийся столько благоприятно для идеи славизма, все-таки не оправдал себя в этом отношении». Причину этого он видит не в пропавшем воодушевлении, а во «внешних обстоятельствах и соотношении событий». Горничек с удовольствием отмечает, что живое участие в делах (судя по всему, речь идет о делах Съезда) Чешского Вспомогательного общества продолжалось на протяжении 1909 года и дало видимые результаты. Так как идея неославизма вошла в сердца русского народа, то, по мнению Горничека «Общество должно перестать быть только средоточием петербургских чехов, - оно

---

⁸⁶Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм 1898-1914. М.: Наука, 1984, С. 143-158

⁸⁷И.М. Порочкина, И. В. Инов. Чехи в Санкт-Петербурге: 1703-2003. СПб, 2003, С. 130

должно взять на себя более возвышенную задачу – быть представителем всего чешского в столице величайшего славянского государства». Выявление того, что имел ввиду автор под словами «всего чешского в столице» вызывает определенные трудности. Возможно, здесь подразумевается создание своего рода культурной миссии при землячестве, где каждый желающий мог бы поближе познакомиться, как с местными чехами, так и с принесенной ими чешской культурой. И снова повторяется мысль Горничека о присоединении к Обществу других чехов, которую мы встречали ранее: «Для успешного и достойного выполнения этой задачи необходима совместная деятельность всех живущих здесь чехов, из которых до настоящего времени далеко не все еще присоединились к нашей организации и сравнительно немногие принимают участие в его делах»⁸⁸.

В «Отчете» за 1909 год Горничек отмечает явное улучшение финансового положения «Общества». В доказательство своих слов он приводит в сравнении некоторые статьи из балансов 1908 и 1909 годов: имущество Общества увеличилось на 687 р. 18 к. и достигло к концу 1909 года 10369 р. 41 к.; членских взносов в 1908 г. поступило 687 р. 50 к., в 1909 г. – 746 р. 50 к., т.е. на 59 р. более. Также интересным представляется сравнение сумм, выделенных на пожертвования чешским организациям в Австро-Венгрии: «чешским национальным учреждениям отослано было в 1908 г. 500 крон, в 1909 г. – 718 крон 25 гел., а именно: обществу «Коменский» в Вене – 400 крон, «Чешской» Матице – 218 крон 25 гел. и «Обществу Чешского Дома» в Вене – 100 крон». Помимо этого, в «Отчете» говорится, что «чешской колонии в поселении Маргук, Тургайской области, были посланы учебные пособия для учреждения там чешской школы»⁸⁹. Из этих данных мы можем сделать вывод, что чешское землячество в Санкт-Петербурге поддерживало связи и способствовало развитию как национальных

---

⁸⁸ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1909 год. СПб., 1910, С. 5-6

⁸⁹ Там же, С. 9

организаций на родине, так и помогала небольшим чешским общинам в российской глубинке.

Отчет Общества за 1911 год представляется для нас особенно интересным, поскольку он единственный из просмотренных нами принадлежит авторству Клецанды согласно его подписи как секретаря Общества в конце Отчета⁹⁰. Однако в списке Правления Общества, в качестве секретаря Общества указан О.О. Горничек, а имя Клецанды появляется среди имен членов Совета Общества только в 1913 году. Это наводит нас на мысль о том, что Клецанда был «исполняющим обязанности» секретаря или своего рода его заместителем. Данный «Отчет» по своей структуре практически не отличается от других. В нем также присутствует краткий некролог умершим членам общества, называется число заседаний во главе с председателем И.И. Кобеле, указывается число членов в начале и конце года («имущество общества увеличилось на 385 руб. 93 коп., несмотря на сравнительно большие расходы»⁹¹), дается краткая сводка о доходах и расходах общества. В числе расходов Клецанда особенно выделяет траты на ограду нового кладбища, которая стоила 930 руб, на пособия нуждающимся (на общую сумму 364 руб.), пожертвования Центральной Школьной Матице и строительному фонду Общества (по 100 рублей)⁹².

Как в Отчете за 1911, так и в Отчете за 1912 год особое место уделяется библиотеке Общества. Клецанда отмечает работу «заботливого г. Петрбока», в руках которого находилась библиотека Общества в 1911 году, приведенная им в «образцовое состояние»: «Плодом его (Петрбока – Е.З.) трудов было издание каталога, значение которого заключается в том, что мертвые громады печатных листов несомненно теперь оживут и станут одним из важнейших звеньев, соединяющих нас с духовной жизнью родины»⁹³. Клецанда, уже не первый год к тому моменту сам служивший помощником библиотекаря Славянского фонда, понимал, что приведение в порядок

---

⁹⁰ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в Петрограде за 1911 и 1912 год. СПб., 1913, С. 7

⁹¹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в Петрограде за 1911 и 1912 год. СПб., 1913, С. 5

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

библиотеки чешской земляческой организации, безусловно станет большим шагом на пути к получению членами Общества информации о Чехии. А в следующем 1912 году Клецанда сам становится библиотекарем Общества. Вот что по этому поводу пишет Горничек: «Библиотека по счастливому выбору Совета находится в заботливых руках г. Клецанды и снова значительно обогатилась пожертвованными и приобретенными книгами»⁹⁴. Возможно выбор Совета пал на Клецанду не случайно, учитывая перевод его в штат БАН на рубеже 1912-1913 годов.

Далее в своем Отчете за 1911 год Клецанда называет самой труднейшей за 1911 год должностью заведующего хозяйственной частью, г. Штоловского, результатом «неусыпной деятельности, равно как и трудов кладбищенской комиссии, председателем которой он состоял было приведение в благоустроенный вид обоих кладбищ, старого и нового, а также выработка правил для погребения умерших». Отмечается также, что г. Штоловский заведовал всем движимым имуществом Общества и его архивом⁹⁵.

Вновь Увеселительный комитет Общества устроил в 1911 году ряд вечеров: 4 вечера в помещении Польского клуба и 6 вечеров – в Славянском Обществе. Клецанда отмечает, что в Славянском обществе 2 вечера было посвящено лекциям и позволяет себе сказать несколько слов об образовательной стороне трудов Увеселительного комитета, выразив следующее пожелание: «Чтобы для наших членов сделались потребностью также лекции, которые могли бы сопровождаться беседами на данную тему...»⁹⁶. Клецанде был по душе лекционный характер мероприятий, поскольку таким образом участниками могло усвоиться больше информации, необходимой для ощущения себя частью особой культуры: «... для сохранения права называться чехом, недостаточно только говорить по-чешски (...) для этого необходимо знать жизнь нашей родины, наши культурные

---

⁹⁴ Там же, С. 14.

⁹⁵ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в Петрограде за 1911 и 1912 год. СПб., 1913, С. 6

⁹⁶ Там же, С. 6

стремления, понимать наши цели и нашу борьбу, жить вместе с целым народом, его радостями и его горестями»⁹⁷. Да и сам Клецанда, по словам Папушека, «не был оратором, ни журналистом... Его речи перед широкой публикой всегда имели скорее вид лекций, чем выступлений стилизованных, с темпераментом и остроумием, которые так жаждет рядовой слушатель»⁹⁸.

Заканчивает свой Отчет Клецанда, как и некоторые его предшественники, призывая соотечественников к помощи Обществу. Упоминая о значительности работы, которую выполнил Совет в минувшем году, он отмечает, что «ныне представляется необходимым найти (...) новых работников, так как теперь тяжела уже не одна только обязанность казначея, (...), но и все другие должности как в Совете, так и в увеселительном комитете. Нельзя утомлять одним и тех же лиц»⁹⁹.

Написание Отчета за 1911 год и заведывание библиотекой Общества в 1912 году далеко не главные заслуги Клецанды в чешском землячестве. Отдельного упоминания заслуживает его деятельное участие в организации гастролей Хора моравских учителей в декабре 1913 года. Папушек пишет, что «все свои силы в 1913 году он (Клецанда – Е.З.) посвятил организации приезда Певческого общества моравских учителей в Россию, которые снискали симпатии многих друзей чешского народа»¹⁰⁰. Среди документов Клецанды, хранящихся в РГИА, помимо его переписки по вопросу гастролей Хора с несколькими лицами¹⁰¹, мы также обнаруживаем и договор, заключенный между Чешским Вспомогательным обществом и Хором моравских учителей¹⁰².

Этот хор был создан в 1903 году профессором музыки и пения в кромержском препарандуме (учительской семинарии) Фердинандом Вахом, который в течении нескольких лет отбирал лучшие голоса среди учителей Моравии. Живущие в разных частях региона, певцы разучивают партии дома,

---

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Papoušek Jaroslav, Jiří Klecanda. *Vojovník za věc naroda*, Praha, 1928, S. 28

⁹⁹ Отчет Чешского Вспомогательного Общества в Петрограде за 1911 и 1912 год. СПб., 1913, С. 6

¹⁰⁰ Papoušek Jaroslav, Jiří Klecanda. *Vojovník za věc naroda*, Praha, 1928, S. 14

¹⁰¹ РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 56; РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 103

¹⁰² РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 103, Л. 50

а для общих собраний, которых бывает до 20-26 в год, или для концертных поездок собираются вместе. Каждое собрание обходится обществу примерно в 400 крон и оплачивается из карманов певцов. В 1913 году в хоре насчитывалось 55 человек; однако этот небольшой хор успел приобрести себе почетную известность не только в Чехии и Моравии, но и за границей. Они дали до 180 концертов в Австрии (кроме Чехии, также в Вене, Загребе, Любляне, Будапеште и т.д.), в 1906 и 1907 г. посетили Германию (Мюнхен, Нюрнберг, Берлин, Лейпциг, Дрезден), а в 1908г. Францию и Швейцарию (Париж, Медон, Цюрих)¹⁰³.

По поводу приезда Хора 3 декабря 1913 года, в Славянском Благотворительном Обществе в Санкт-Петербурге вечером того же дня был устроен банкет. На нем присутствовали и говорили приветственные слова видные члены Общества: генерал А.П. Скугаревский, академик А.И. Соболевский, профессора А.В. Васильев, И.С. Пальмов, П.В. Лавров¹⁰⁴. Речи на банкете произносились в духе славянского братства. Участники единодушно выражали сожаление о заметном понижении интереса к идее славянского сближения после Балканских войн и тем более радостно встречали приехавших певцов. Характерными будут слова председателя Чешского Вспомогательного общества, Г. В. Вихрана: «Этот радушный прием, оказанный приехавшим чехам, является выражением той крепкой связи, которая существует между всеми славянами. Последние грустные события не разочаровали славян в осуществлении общеславянской идеи. Чехи всегда были в первых рядах борцов за славянство, и их народные учителя играли в борьбе всегда первенствующую роль, защищая национальные начала. Петербургские чехи сердечно рады приезду своих братьев и глубоко благодарны петербургскому Славянскому Обществу за радушный прием, всегда чутко отзывающемуся на все посещения славянами русской столицы»¹⁰⁵.

---

¹⁰³Славянские известия, 1913 (43), С. 603

¹⁰⁴Славянские известия, 1913 (57), С. 776-778

¹⁰⁵Там же, С. 777

Всего Хор моравских педагогов дал два концерта в столице. Первый концерт состоялся 5 декабря в Зале Дворянского собрания. На следующий день, 6 декабря, в «Санкт-Петербургских Ведомостях» в разделе «Театр и музыка» была напечатана статья-отзыв о данном выступлении под авторством Н. Бернштейна¹⁰⁶. Отмечая, что первый концерт прошел «при далеко неважном сборе и при довольно сдержанном (в первом, по крайней мере, отделении) внешнем приеме», автор с уважением и симпатией отзывается об уровне вокального мастерства моравских певцов: «Художественная стройность ансамбля не оставляет желать лучшего; звучность отдельных групп уравновешена с замечательным тактом и чувством мер; ритмическая отчетливость, яркость фразировки и ясность дикции поражают своим совершенством»¹⁰⁷. Бернштейн отмечает некоторые из исполненных певцами произведений, среди которых «в смысле технических трудностей выделилась «Ночь духов» Амбр. Тома», «с большим настроением спета «Колыбельная» Кюи, «Дар за любовь» Кржижковского», а «Полевою дорогою» Ферстера и народная песня «Дин, дон» выделялись «прекрасно выполненными всякого рода вокальными эффектами, как-то: подражание колокольному звону, эхо и т.д.»¹⁰⁸. Автор, вероятно со слов представителей Хора, пишет о том, что концертную поездку в Россию этот хор считает особенно для себя важной, поскольку она предпринята с целью получить «крещение в стране наивысшего расцвета хорового пения», и добавляет от себя: «Нельзя не верить этому обществу, что концертное турне в Россию, предпринято после того, как им достигнут был апогей вокальной техники, когда все участники хора чувствовали себя во всеоружии своего искусства. Вследствие этого названное общество только на десятом году своего существования решилось приветствовать Россию своей родной песней»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁶ Театр и музыка. Зал Дворянского собрания // Санкт-Петербургские ведомости, 6 декабря 1913, № 274, С. 5

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

Спустя полтора года после петербургских гастролей Хора моравских педагогов, во втором номере газеты «Чехословак» Иржи Клецанда разместил небольшую статью-воспоминание «Vzpomínka (moravským učitelům)»¹¹⁰, в которой он поделился своим мнением о важности этого визита как для столичных чехов, познакомившихся с народным творчеством своих земляков и таким образом, поддерживающих культурные связи с родиной, так и для столичной публики, которая, по мнению Клецанды, была крайне мало знакома с культурной жизнью чешских земель. Летом 1915 года, когда Чешский вопрос ставился деятелями Союза чехословацких обществ в России на повестку дня и обсуждался в правительственных и академических кругах, гастроли Хора моравских педагогов в России в декабре 1913 года, представлялись чешской пропагандой как знаковое событие, в свое время сблизившее чехов с Россией¹¹¹.

Подводя итог параграфу нам следует констатировать, что мы составили представление об основных направлениях работы чешского землячества в Санкт-Петербурге на рубеже XIX и XX веков, полагаясь на «Отчеты» о его деятельности. Среди главных забот членов Правления Чешского Вспомогательного общества были: обеспечение финансового благополучия Общества, организация культурных мероприятий (концертов, банкетов, лекций), денежная помощь нуждающимся членам Общества, благотворительская деятельность (ежегодные денежные пожертвования чешским культурным учреждениям), ведение корреспонденции с просителями (в большинстве случаев – помощь в поиске работы), привлечение новых членов Общества. Нам кажется очень вероятным, что Клецанда, вступив в Правление Общества, так или иначе имел представление обо всех сторонах его жизни и вполне мог принимать деятельное участие в работе на разных фронтах. Самое непосредственное участие в организации гастролей хора моравских учителей, будучи на посту секретаря Общества – прямое тому доказательство.

---

¹¹⁰ Vzpomínka (moravským učitelům) Чехословак, 1915 (2), С. 2-3.

¹¹¹ Там же.

Глава II. Участие в Чехословацкой революционной акции (1914-1918 гг.)

§ 1. Начало Первой мировой войны

Данный период очень важен для определения места Иржи Клецанды в чешско-словацком движении в России на протяжении всей войны. И это потому, что именно в этот период начинают активизироваться крупные чешские общества как в регионах, так и в столице, начинается работа, направленная на выработку какой-то единой политической программы, на признание чешских требований со стороны царского правительства. В этот период разрабатываются первые программные документы русских чехов, в частности, «Записка Совета чехов в России императору Николаю II о восстановлении Чешского королевства»; российский царь дважды принимает чешские делегации; в Киеве создается Чешская Дружина и т.д. В данном параграфе мы попробуем разобрать вклад Клецанды в чешское движение на первом этапе войны.

Во время июльского кризиса Клецанда находился в командировке в Чехии и Моравии, где он проводил переговоры о сборе книг и журналов для пополнения Славянского Фонда Библиотеки Академии наук. Согласно Папушеку, «уже первые тревожные известия подтолкнули его к отъезду, который пришелся на те дни, когда уже начинали греметь пушки»¹¹². Сам Клецанда пишет по этому поводу в своем «Отчете о командировке», что он находился на моравском курорте Лугачовицы, где проходила встреча чешской интеллигенции, а после этого попытался выехать в Турчинский Св. Мартин на территорию Венгрии, но через границу его не пропустили ввиду общей мобилизации¹¹³. По мнению Папушека Клецанде, добравшемуся до границы,

¹¹² Папушек, С. 30

¹¹³ Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. –

оставалось продолжить путь пешком, «с определенными трудностями и проблемами человека, который хочет уехать за границу в минуты разразившейся войны». Он предполагает, что в этом ему помогла нерешительность Австро-Венгрии, «забывшей объявить сразу войну России», или же рассеянная бдительность пограничных учреждений, на которые в то время легла чрезмерно непривычная задача¹¹⁴. Сам Клецанда пишет, что как только в Лугачовицах он узнал о прекращении сообщения с Прагой и Чехией вообще, ему пришлось немедленно покинуть территорию Австрии¹¹⁵.

Более-менее точно установить момент пересечения Клецандой границы с Россией нам может помочь найденное среди личных документов Клецанды свидетельство от 20 июля 1914 года, за подписью Варшавского Обер-полицейстера по делопроизводству, следующего содержания: «Предъявитель сего, Юрий Клецанда, выезжает из Варшавы по обстоятельствам военного времени в Петербург. Свидетельство сие выдано на предмет представления на железнодорожную станцию для права отъезда в Петербург»¹¹⁶. Таким образом получается, что Клецанда пересек границу в период с 17 (начало общей мобилизации в Австро-Венгрии) по 20 июля. Папаушек придает этому событию огромное значение, акцентируя внимание на том, что Клецанда был одним из первых, кто с началом войны покинул Австрию, и считая, что «едва ли будет преувеличением причислить его к первым легионерам, особенно когда вскоре по своем приезде в Петроград он доказал, что его переход через границу не был определен тоской по русскому дому или осознанием своих обязанностей по месту службы»¹¹⁷.

Пг., 1914. С. 84-85

114[□]Папаушек, С. 30

115[□]Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. – Пг., 1914. С. 85

116[□]РГИА. Ф. 863. Оп. 1. Д. 1 Л. 23

117[□]Папаушек, С. 31

Возможно, подобное венчание Клецанды титулом «легионер», действительно выглядит, вопреки опасениям Папаушека, преувеличением, но с его предположением о том, что у Клецанды, без сомнения, были какие-то антриавстрийскими идеи и планы во время отъезда в Россию («Невозможно представить, чтобы в его буйной голове не кружились уже тогда мысли о борьбе, возможно еще не отчетливые»)¹¹⁸ мы должны согласиться. Клецанда, возвратившись в Петроград 4 августа, не только уже 7 августа принял участие в организации комитета, который был создан при Чешском Вспомогательном обществе в Петрограде, чтобы обеспечивать правовую безопасность чехов и словаков - австрийских подданных, но и подал наверх петицию о составлении меморандума, который бы информировал русских ответственных деятелей о состоянии чехословацкого вопроса и о целях чехословацкого народа¹¹⁹. По мнению Папушека, принятие Клецанды в среду ведущих вождей чехословацкого движения в России, произошло в назначением его 12 августа уполномоченным от имени Общества для ходатайств в российских учреждениях о делах, связанных с обеспечением безопасности петроградским чехам и словакам¹²⁰.

С 28 августа по 6 сентября 1914 года в Петрограде проходил Съезд чехо-словаков, собранный по инициативе московских чехов, и предполагавший организацию совещания представителей 4-х наиболее крупных и влиятельных организаций: Киева, Петрограда, Варшавы и Москвы. В совещании участвовали 11 делегатов: Богумил Чермак и Иржи Клецанда – от Петрограда; Алоис Тучек и Сватоплук Коничек – от Москвы; Франтишек Дедина и Ф. Паул – от Киева; Й. Гейк, В. Громадка, Й. Гампл и Йозеф Милослав Орсаг, приехавшие спустя 4 дня, - из Варшавы¹²¹. При опеке бывшего первого российского консула в Праге В.Г. Жуковского они попытались выработать совместный программный документ и подготовить

118^{Там же.}

119^{Там же, С. 34}

120^{Папаушек, С. 35}

121^{Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг. – М. Новалис, 2013, С. 11.}

обращение к царю. Проект, предложенный Ф. Дединой, был отвергнут, поскольку был выработан в духе консервативного всеславянства, меморандум, предложенный Иржи Клецандой.¹²², лег в основу «Записки Совета чехов в России Николаю II о восстановлении Чешского королевства».

«Записка» помещается на шести листах и делится на 6 пронумерованных частей-глав и своеобразное введение. Во введении формулируется основной смысл обращения чехов к Николаю II – это просьба «возобновить самостоятельное чешское королевство, дав воссиять блеску короны Святого Вацлава, под лучами великой и могущественной династии Романовых»¹²³. Относительно пассажа о короне и династии в конце предложения, Папоушек в биографии Клецанды замечает¹²⁴, что в текст обращения чешской делегации к Николаю II, составленный на основе «Записки», московскими делегатами была вставлена цитата из московского меморандума: «Да воссияет свободная и независимая Корона Святого Вячеслава в лучах Короны Романовых»¹²⁵. Это было сделано без ведома, согласия и против воли делегатов киевских и петроградских, а так как случилось это в последние минуты – никто ничего уже не мог исправить. Свои «мечты и надежды» русские чехи основывают «на тысячелетней истории, чудесном возрождении, десятиmillionной численности, современном культурном и экономическом развитии и стратегическом значении Чехии на Западе славянского мира»¹²⁶.

Первая глава напоминает своего рода клятву – в ней всего четыре абзаца, каждый из которых начинается со слова «Веруем». А веруют авторы «Записки» прежде всего в вековое послание России и Славянства, час которого настал, причем России, поскольку «безмерны ее жертвы и заслуги в освобождении Славянства», отдается первенство в решении судеб освобожденных славянских народов, среди которых чешский народ,

---

¹²²А.Муратов, Д. Муратова. Две аудиенции // Русское слово (Прага), 2010. № 2, С. 24

¹²³№ 13, С. 67

¹²⁴Папоушек, С. 38

¹²⁵№ 12, С. 66

¹²⁶№ 13, Там же.

«убежденный глашатай славянского братства и единения», будет исполнять «немаловажную роль, как крайний оплот против натиска германизма»¹²⁷. Похожий взгляд на будущую Чехию имеет и В.Г. Жуковский, присутствовавший во время составления текста «Записки» чешской делегацией и оказывавший на ее работу определенное влияние, месяцем позже, 10 октября 1914 года, подал в МИД свою собственную «Записку о восстановлении Чешского королевства»¹²⁸, в которой основной интерес России в решении «чешского вопроса» он видит в создании сильного военного оплота славянства на Западе¹²⁹.

Во второй части авторы дают «реальную оценку земель Чешского Королевства», перечисляя ряд преимуществ будущего независимого чешского государства. В качестве первого аргумента вновь звучит мотив извечной борьбы с немцами - чешский народ сравнивается с гранитной скалой, «которая устояла в течении тысячелетия против бушующих волн римско-германского моря, а «в тесной связи со своей Могущественной Освободительницей будет на Западе надежным передовым стражем против германизма»¹³⁰. Как будто на втором месте по значимости авторы «Записки» называют жизнеспособность чехов, благодаря которой «чешский народ за последние 30-40 лет восстановил свои духовные и материальные силы; поставил на высокую степень полеводство, промышленность, науки и искусство». В следствии этого восстановления «земли Чешского Королевства за несколько десятилетий приведены в нынешнее цветущее состояние», несмотря на то, что Чехии «приходилось все это время на своих плечах нести почти всю тяжесть общеимперских налогов, содержать все свои школы общенародного образования на свой счет», участвовать большей частью в громадных расходах воинствующей Австро-Венгрии и покрывать дефициты других пассивных земель Австрии¹³¹. В конце главы излагается

127¹ № 13, С. 67-68.

128¹ № 32, С. 92

129¹ Там же.

130¹ Там же.

131¹ Там же.

стратегическое предложение, нацеленное на то, чтобы заинтересовать российские власти, но в то же время не упустить и свою выгоду: «... Чехия, не отделенная от России таможенной границей, со взаимной пользой может привозить к себе русский хлеб, хлопок и прочие продукты земли и взаимно доставлять России дешевые земледельческие и прочие машины, которыми ныне наводняла Россию Германия»¹³². Данное положение отсылает нас к идее единого торгового и таможенного государства с общими таможенными границами, изложенной Карелом Крамаржем в его меморандуме «Устав Славянской империи», в мае 1914 года¹³³.

Третья глава «Записки» посвящена изложению авторского видения будущих границ самостоятельной Чехии. Эта глава, как и предыдущая, начинается с аккумуляции образа героического чешского народа, «который доказал свою политическую стойкость и способность в многовековой борьбе» с Римом и германизмом, а благодаря «внутренней созидательной способности» чешского народа, о которой свидетельствует сохранение им осознания своих чешско-государственных прав, «ему скоро удастся превратить чешские земли в неприступную твердыню с Западной стороны... Обороняемая героическим народом, воскресшим к самостоятельной жизни, эта твердыня почти неприступна»¹³⁴. Подходя ближе к описанию желаемых чехами границ, авторы все больше делают упор на военно-стратегическую сторону вопроса, что было весьма актуально, учитывая разразившуюся войну: «Крепость на Западе Славянского мира (...) была бы оплотом для Славян на востоке и юге, ибо из 10 000 000 Чехов и Словаков можно-бы поставить полумиллионную армию для союзников. (...). Самостоятельный чешский народ, в случае опасности, встал бы, подобно сербам и черногорцам на защиту свою и Славянства»¹³⁵. На необходимость союза или даже унии будущих чешского и южнославянского государств, имеющих общую границу,

---

¹³² Там же, С. 69

¹³³ Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 114

¹³⁴ № 13, С. 69

¹³⁵ Там же.

указывал Т.Г. Масарик в своем октябрьском меморандуме, направленном в МИД¹³⁶. Границы же самостоятельной Чехии «в обеспечение ее государственной будущности и силы в прочной связи с Россией» авторы «Записки» определяли следующим образом: «От южного конца Чехии по нынешней границе водораздела между Верхней и Нижней Австрией к Дунаю. На юг по реке Дунаю включительно Вены (...). От Вены по Дунаю до Вацова, где река поворачивает на юг, от Вацова к этнографической границе между чехословаками и русскими, по границе Галиции, Слезска и России на севере до Вратиславы (Бреслау) и на западе к Худове»¹³⁷. Что касается присоединения к чешскому государству Вены, то авторы объясняют это тем, что Вена наполовину заселена славянами: «Одна четверть населения Вены онемеченные славяне и настоящих немцев в Вене не более одной четвертой части всего населения»¹³⁸. Как Крамарж¹³⁹, так и Масарик¹⁴⁰, в своих проектах также стремились расширить границы Чехии на юг, правда, проект Крамаржа не предусматривал присоединения Вены. Также, по мнению составителей «Записки», «к Чехии желательно присоединить как автономную часть Верхнюю и Нижнюю Лужицы». Для установления границ между чехами и поляками предлагается совать «согласительную комиссию с арбитром Россией так, чтобы польская по большинству местность была отнесена к Польше, чешская же к Чешскому Королевству со взаимной гарантией прав и условий для польских и чешских меньшинств»¹⁴¹. В отношении раздела спорных земель между Чехией и Польшей интересно мнение будущего президента Чехословакии Т.Г. Масарика, который был убежден, что

---

¹³⁶ Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 117

¹³⁷ № 13, С. 69-70

¹³⁸ Там же, С. 69

¹³⁹ Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2014. С. 21

¹⁴⁰ Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 116

¹⁴¹ Там же, С. 70

восточная часть австрийской Силезии, хотя и наполовину польская, должна войти в состав чешского королевства¹⁴².

Особого внимания заслуживает четвертая глава «Записки», поскольку она состоит всего из одного предложения, которое представляет собой интересное сравнение, перетекающее в риторический вопрос: «Если Австрия добилась перед Европой создания уродливого Государства – Албании, не имеющей ни истории, ни культуры, сложенной из православных, мусульман и католиков, из славян, турок и греков, с чужой немецкой головой, то во сколько раз основательнее наши стремления¹⁴³».

Пятая часть «Записки», озаглавленная «Краткий исторический очерк», по своему объему значительно больше остальных частей. Она действительно представляет из себя практически тезисное изложение основных событий чешской истории, одобренных комментариями авторов в духе все того же мотива «героизма чешского народа», извечно страдавшего от «Рима и Германца». На протяжении всей главы авторами действительно создается образ славянского народа-искупителя, который добровольно принял на себя роль западного щита славянства, и таким образом «принес жертву цивилизации, всему человечеству», но до сих пор незаслуженно остается в подчиненном положении у Германца. Среди упомянутых чешских деятелей периода Средневековья и Нового времени превалируют имена князей и королей, однако особенного акцента авторов удостоиваются Ян Гус и Ян Амос Коменский, что вполне логично, учитывая вклад обоих в развитие чешских культурных традиций. Ян Гус, боровшийся за правоту своего учения и сожженный в 1415 году римским наместником Христа, будто символизирует Чехию и чешский народ, который так и принял навязываемый «фанатиками Рима, слугами Габсбургов», вместо героя-мученика Гуса другого Яна - Непомука¹⁴⁴, Что до «великого учителя народов, последнего

142²Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серапионова [отв. Ред. А.Л. Шемякин]; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006, 236-237

143¹Там же.

144²№ 13, С, 71

епископа Чешско-Братской Церкви», Яна Амоса Коменского, то о нем говорится, что он предпочел оставить родину, чем вернуться к римско-католической вере. Тот факт, что могила Коменского находится в Ардене, в относительной близости Англии, Бельгии и Франции, авторы считают не случайным совпадением, а «причинной связью прошлого с современной борьбой этих цивилизованных народов с общим врагом»¹⁴⁵.

Следуя дальше тексту пятой главы, мы замечаем, что отчаяние, аккумулировавшееся авторами на протяжении большей ее части, постепенно сменяется гордостью за чешский народ, который, благодаря многочисленным «будителям» стал просыпаться и постепенно занял место среди других культурных народов. Среди перечисленных здесь выдающихся «в мире литературы, искусства, медицины, народного воспитания и политики» чешских деятелей, известных по всей Европе» мы, к своему удивлению встречаем имя лидера младочешской партии и идейного борца за сближение Чехии с Россией на почве славянской взаимности Карела Крамаржа¹⁴⁶. Для дополнения картины о положении Чешских земель в составе Австро-Венгрии, авторы «Записки» указывают, что Чешское королевство никогда не переставало существовать юридически – после Белой Горы Габсбурги продолжали короноваться чешской короной вплоть до Франца-Иосифа, который еще в 1871 году обязался возложить ее на свою голову, но так обещание и не сдержал¹⁴⁷.

Завершая «Записку Совета чехов в России императору Николаю II о восстановлении Чешского королевства», ее составители выражают уверенность в том, что «весь чешско-славянский народ и остатки лужичан как один человек ждут не дождутся когда вековой тиран славянства будет сломлен на веки-веков, когда русская победоносная армия вступит в пределы нашей дорогой родины и соединиться с чешским народом»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵Там же.

¹⁴⁶Там же, С. 72

¹⁴⁷Там же.

¹⁴⁸№ 13, 72

2 сентября готовый текст меморандума был согласован депутацией чехов с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, который заверил чехов, что «если Бог пошлет победу русскому оружию, то воссоздание вполне самостоятельного Чешского королевства стоит в планах русского правительства, что данный вопрос обсуждался еще накануне войны и «в основном был решен благоприятно для чехов»¹⁴⁹. 3 сентября чехи из своих рядов выбрали четырех делегатов: Клецанду, Коничека, Тучека и Червены. На следующий день, 4 сентября, чешская депутация была принята Николаем II в Царском Селе. Благодаря статье Червены «Второе слушание чехословаков у царя Николая II» в газете «Народны Листы» от 13 сентября 1924 года, мы можем составить себе представление о происходящем во время этой встречи: «Полковник вышел, а через две минуты вошел царь Николай II (...) Мы глубоко поклонились. Й. Клецанда держал в руках меморандум в папке из белой кожи. Я читал обращение (...) Царь прислушивался, особенно к месту о «желающих идти с ним и с великой Россией всегда рука об руку», со склоненной головой, посмотрел на всех четырех внимательно»¹⁵⁰. После того, как Червены окончил читать «Записку», он представил остальных членов депутации. Клецанда подал царю папку с меморандумом, и когда тот спросил его, что он ему подает, Клецанда смутился, возникла пауза, которую разрешил Червены. Однако когда царь спросил делегатов о том, что скажут о программе их земляки на родине, именно Клецанда взял слово, рассказав, что во время совещания Чешской Народной Рады в Праге, на котором он присутствовал, обсуждался этот вопрос, и было решено выслать депутацию к царю с целью искать у него защиту¹⁵¹. Согласно воспоминаниям Червены, царя заинтересовала граница между чехами и словаками, для чего присутствующие прошли к карте, а «Оршаг и Клецандас, стоя справа [от царя – З.Е.], показали ему словацкие «острова» и районы, этнографические

149[□] Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 119

150[□] А. Муратов, Д. Муратова. Две аудиенции // Русское слово (Прага), 2010. № 2, С. 24

151[□] А. Муратов, Д. Муратова. Две аудиенции // Русское слово (Прага), 2010. № 2, С. 24-25

границы на государственной границе с Германией»¹⁵². В конце аудиенции царь попрощался с чешскими делегатами следующим образом: «Благодарю вас, господа, за ваши сообщения, я надеюсь, что нам Бог поможет, и думаю, что желания ваши будут осуществлены»¹⁵³.

Помимо непосредственного участия в работе над текстом общей «Записки», представленной царю 4 сентября, Иржи Клецанда в течение осени 1914 года собирал и структурировал большое количество материала для написания «Докладной записки о чешско-словацком вопросе»¹⁵⁴. Этот документ был подан Клецандой на имя главы Второго политического отдела МИДа А.М. Петряева в конце 1914 года¹⁵⁵. «Докладная записка» содержит введение и три главы, «Важнейшие моменты политической жизни последних лет», «Географическо-статистический очерк», «Лужицкие сербы».

Во введении Клецанда оговаривает основные цели своей работы: во-первых, «это выражение заветной мечты чешского народа, которой является самостоятельность чешского государства, достижимая только при помощи Русского Государя Императора, Его Правительства и великого Русского народа», а во-вторых, «ознакомление относительно политического и этнографического положения Чехов и Словаков в последнее время». Кроме этого Клецанда во введении высказывает ряд конкретных суждений по поводу будущего Чехии. Вновь здесь появляется уже знакомые нам по «Записке» положения о присоединении к будущей Чехии Вены и Верхней и Нижней Лужиц¹⁵⁶. Однако в данном случае возможность этих присоединений объясняется исходя из неминуемого, по мнению автора, раздела Австро-Венгрии по окончании войны и соединения чехов с югославянами у Дуная, чтобы навсегда прекратить германский *Drang nach Osten*¹⁵⁷. Клецанда воздерживается от включения в «Записку» проекта политического устройства

152^{Там же.}

153^{Там же.}

154^{№ 43, С. 112}

155^{Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серапионова [отв. Ред. А.Л. Шемякин]; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006, С. 224}

156^{№ 43, С. 112}

157^{Там же.}

будущей Чехии, и только выражает уверенность в том, «что при совершении раздела Австро-Венгрии, при создании чешского государства, Русское Императорское Правительство и Россия обратятся к единственно компетентному выразителю желаний народа, к Чешскому Национальному Совету в Праге»¹⁵⁸.

Глава «Важнейшие моменты политической жизни последних лет» начинается с констатации факта, что для развития чешскословенской культуры и консолидации чешскословенского элемента дуализм явился страшнейшим ударом¹⁵⁹. На долгие годы между родственными народами произошел разрыв, а мадьярская наука, чтобы уничтожить всю связь словаков с чехами, «старалась всеми силами пропагандировать тенденциозную гипотезу Сама Цамбея о родстве словаков с южными славянами»¹⁶⁰. Но данный разрыв, по мнению Клецанды, дал и положительный результат – активизировал народную жизнь: были созданы гимнастические и культурно-просветительские общества «Сокол», окраинные общества начали подготовительную работу к организации чешского элемента в смешанных краях; в 1880 году была основана Школьная Матица; в 1882 году Пражский немецкий университет был разделен на чешское и немецкое отделения. Клецанда считает, что как только чешская интеллигенция набралась сил, черпая их в народе, она обратила внимание на словаков, «брошенных мадьярам»¹⁶¹.

Подводя итог главе, Клецанда утверждает, что «вся эта политика и вообще вся усиленная национальная борьба имела единственную целью, во-первых, укрепить чешский элемент в северной Моравии, в нижней Австрии и в особенности в Вене, во-вторых, осуществить чешскословенское единение, чтобы таким способом чешский народ в историческую минуту раздела искусственно созданной Австрийской империи оказался подготовленным в этнографическом смысле, оказался способным занят желательные с точки

---

¹⁵⁸ Там же, С. 113

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ № 43, С. 113-114

зрения общеславянских интересов пространства, и, наконец, оказался таким образом достойным защиты Августейшего Покровителя Славянства, Его Императорского Величества и великого русского народа»¹⁶².

«Географическо-статистический очерк» составлен, как это указано автором, по работе Л. Нидерле «Обозрение современного славянства. Энциклопедия славянской филологии». В этой главе Клецанда предлагает остановиться на теме расселения чешско-словенского элемента «в смысле географическо-статистическом». Сперва он перечисляет места проживания средневековых предков чехов: «на западе за Шумахой в Баварии, на юге у Дуная и даже за Дунаем. В древней Паннонии чешкословенский элемент сидел, по всей вероятности, до самого Блатенского озера, где уже соприкасался с элементом южнославянским»¹⁶³. Однако «полная трагических моментов чешская история» сделала свое дело – рамки компактной области проживания чешского и словенского народов за прошедшие века существенно сузились и теперь эта область простирается в пределах шести политических административных единиц, а австро-венгерский дуализм в свою очередь, своими государственными границами затмевает границы этнические. По мнению Клецанды, «среди прочих славянских областей чешкословенская область имеет наиболее точные и определенные этнографические границы», а самым большим городом словацким городом Венгрии является Будапешт, «где чехословаков насчитывается 60 тысяч». Причину занижения реального числа чешкословенского населения в Австрии и Венгрии Клецанда видит в пристрастно проводившихся официальных переписях, «так как вследствие безнравственного давления, лица зависимые должны были объявлять как свой обиходный язык, вместо чешского материнского языка немецкий, вместо словенского – мадьярский». Однако в случае с процентным сравнением количества грамотных среди народов Австрийской империи, где официальная статистика на стороне чехов (93.77% грамотных среди чехов против 91.84% среди немцев), Клецанда

---

¹⁶² № 43, С. 114-115

¹⁶³ № 43, С. 115-116

статистике доверяет. В конце главы автор пишет о том, что несмотря на все старания немцев по соединению в сплошную немецкую область на севере Моравии, чехи держатся, и в ответ усиливают чешский элемент, противопоставляя насилию крепкое национальное сопротивление¹⁶⁴. Масарик, рассуждая о будущих границах чешского государства в конце 1914 года, высказывал подобные суждения: «Исторические границы чешских земель на севере и западе идут по высоким горным хребтам и представляют собой, таким образом, естественную крепость. Пожертвовать этими границами ради торжества этнографического принципа, ввиду того что вдоль них немецкое население преобладает количественно над чешским было бы для Чехии политическим самоубийством»¹⁶⁵

В отношении последней главы о лужицких сербах, автор еще во введении отмечает, что ее включение в «Докладную записку» «не должно служить показателем каких-то огромных претензий, а только искренним желанием сохранить последние остатки полабских славян»¹⁶⁶. Образ лужицких сербов как нельзя кстати соответствует антигерманской риторике документа, поскольку налицо показывает, что небольшому славянскому народу, почти со всех сторон окруженному немцами, практически не возможно сохранить свою идентичность. Удержаться лужичанам удалось благодаря тому, что «Лужица в течение долгого времени непрерывно принадлежала чешской короне, что создавало некоторый оплот против немецкого наплыва и способствовало сохранению славянского языка»¹⁶⁷.

Вторым документом, поданным лично Клецандой в МИД 9 февраля 1915 года, является также записка, с заголовком «Несколько заметок политического характера по чешскому вопросу». В ней Клецанда затрагивает вопрос о формах правления будущей Чехии. Наиболее подходящей формой правления он считает конституционную монархию, ибо при монархии, по его

164[¶]№ 43, С. 117

165[¶]Серapiroнова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серapiroнова [отв. Ред. А.Л. Шемякин]; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006, С. 236

166[¶]№ 43, С. 112

167[¶]Там же, С. 118

мнению, в большей мере, чем при республике, будет обеспечена «нужная устойчивость и прочная линия внутренней и, в особенности, внешней политики». Касаясь вопроса о наиболее подходящей для будущего королевства династии, автор записки высказывал предположение, что «единственно возможной и действительно популярной была бы династия из дома Романовых». В соответствии с этим Клецанда советует русскому правительству начать необходимую подготовку как путем обнародования манифеста, так и путем агитации, которую должно развить русское временное управление занятых местностей. Клецанда указывает на К. Крамаржа, как на лицо, на которое русскому правительству следует опираться и который способен привлечь лидеров партий¹⁶⁸. Данные положения подтверждают наличие у Клецанды к началу 1915 года определенных представлений не только о необходимых будущих границах Чехии, но и о ее политическом устройстве. Стоит отметить, что на первом этапе войны, чешские и русские политики сходились по многим положениям относительно данного вопроса, в частности по форме правления Чехия виделась монархией (как абсолютной, так и ограниченной), а правящей династией – Романовы (хотя Масарик находил возможным приглашение датского или бельгийского принца¹⁶⁹).

Научную работу Клецанды, результатом которой были разобранные в данном параграфе труды, безусловно стоит отнести к наиважнейшей его деятельности в 1914 году, так как она сделала из него подготовленного представителя чехословацких интересов. Как меморандум, легший в основу «Записки императору Николаю II», так и поданные им в МИД записки, заставляют удивляться рассудительности Клецанды, а возможно и его умению предугадывать будущее. Ни успехи русской армии, ни предсказание, что Россия освободит чехов, не вынуждали его к тому, чтобы он заранее

---

¹⁶⁸ Попов А. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914-1917 гг. // Красный архив. 1929, № 2 (33). С. 21

¹⁶⁹ Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серапионова [отв. Ред. А.Л. Шемякин]; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006, С. 230

ограничивал будущий государственный суверенитет Чехословакии. Он был целиком проникнут пониманием того, что единственным решающим фактором в вопросе о будущем основания государства является воля народа, хотя очевидно, что он желал, чтобы народ ориентировался на Россию. Нет документов, свидетельствующих, до какой меры эта деятельность Клецанды была известна его соотечественникам в России. Правдоподобнее всего, однако, что о ней знали, по крайней мере, его петроградские коллеги, и это было одной из причин, почему Клецанда появился на первом плане чехословацкого движения, и почему, наконец, на I Съезде чехословацких обществ в Москве в феврале 1915 года он был избран секретарем Правления Союза.

§ 2. Союз Чехословацких обществ в России.

Второй параграф главы посвящен деятельности Иржи Клецанды на посту секретаря Правления Союза Чешских обществ в России, который он занимал с февраля 1915 по май 1916 года. За год с небольшим Союзу удалось достичь значительного прогресса в деле пропаганды чешского революционного дела в России, установить контакты с Чехословацким Национальным Советом в Париже – центральной организацией заграничного сопротивления во главе с Т.Г. Масариком. Также Союз продолжал работать

над расширением численности чешских воинских формирований в составе российской армии. Имея ввиду тот факт, что Клецанда занимал одну из важнейших должностей в Союзе в этот период, интересно было бы рассмотреть, чем конкретно он занимался в этот период.

I Съезд Союза чешских обществ проходил в Москве с 22 по 26 февраля 1915 года. В письме друга Клецанды, будущего редактора газеты «Чехословак», Богдана Павлу петербургскому общественному деятелю Д.Н. Вергуну, содержится подробная информация об итогах Съезда¹⁷⁰. В нем участвовали 32 делегата, представлявшие 1500 членов из 10 обществ. Председателем Правления выбран Б.О. Чермак, товарищем председателя И.И. Моравец, секретарем Ю.И. Клецанда, членами правления Х.А. Вельц и Ф.И. Рейф. О Правлении Павлу придерживается мнения, что «все эти лица не представляют каких-нибудь ярких политических личностей, но это люди деловые, которые сумеют правильно делать то, за что взялись»¹⁷¹. Местом нахождения правления Союза был назначен Петроград, военной комиссии – Киев, ревизионной – Москва. Военную комиссию возглавили В. Вондрак и Л. Тучек¹⁷². Что касается постановлений Съезда, то, по словам Павлу, одно из них заключалось в принятии решение издавать, «при денежной помощи Союза, газету-журнал на чешско-словацком и русском языках, которая являлась бы официальным органом Союза», однако, делится тут же Павлу, издатель киевского «Чехослована», которого и планировалось перенести в Петроград, Швиговский, перестал отвечать на письма¹⁷³. Относительно привлечения чехов к борьбе с немцами, Съездом «было также постановлено ходатайствовать у русского правительства о разрешении сформировать из пленных солдат-добровольцев чешское войско»¹⁷⁴. Политическая платформа выразилась в заключительной резолюции:

170[№] 61, С. 151-153

171^{Там же}, С. 151

172^{Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и борьба за независимость чехов и словаков, М.:Индрик, 2012, С. 71}

173[№] 61, С. 151

174[№] 61, С. 151

- 1) Самостоятельное чешско-словацкое королевство со славянским королем во главе.
- 2) Учредительный чешско-словацкий сейм должен в согласии с русским правительством установить взаимоотношения.
- 3) Самостоятельное государство может удержаться только в полном согласии со славянским миром, особенно с Россией.
- 4) Съезд уверен, что чешско-словацкий народ окажется верным союзником своей освободительницы России¹⁷⁵.

Съезд Союза чехословацких обществ в России имел определяющее значение в развитии чехословацкого революционного дела в России. Перед массами военнопленных и перед российской общественностью предстала организация, подтверждающая единство взглядов чехословацкого движения и способность и правомочность вступать от его имени в переговоры с российскими деятелями.

Избрание Клецанды секретарем правления Союза, собственно тем, на кого автоматически легла вся тяжесть политической и организационной работы Союза, ознаменовало в его деятельности серьезный поворот. Научные изыскания и попытки литературной агитации вынужденно уступили место другой работе, размеры которой, если верить Папоушеку, «с самого начала были так велики, что едва ли с ней могло справиться и большее количество людей, чем имело правление Союза в своем распоряжении»¹⁷⁶. Речь идет не только о политической защите чехословацкой программы и информировании официальных кругов и общественности о чехословацком народе и его революции, но и об организации движения, налаживании контактов с военнопленными и облегчении их положения, попытках создания чехословацкого войска, заботе об уравнивании чешских добровольцев с русскими солдатами, организации чешской печати, совершенствовании взаимных контактов с отдельными земляческими обществами, улучшении правового положения чехов-австрийских подданных, рассмотрении вопросов

---

¹⁷⁵ Там же, С. 152

¹⁷⁶ Папоушек, С. 47

принятия гражданства, ведении переписки с бесчисленным количеством лиц, обращающихся к Союзу по личным и общим проблемам, о работе над укреплением взаимных отношений между чехами и словаками, и преодолении трудностей, вытекающих из ревности местных обществ и честолюбия отдельных личностей¹⁷⁷.

Одной из главных задач, которые решал Клецанда, был вопрос чехословацкого войска. В кругах киевских чехов еще в августе 1914 года возникла идея о том, что нужно подготавливать кадры будущей чешской армии, которая бы помогала русской армии занимать чешские земли, пока они не окажутся под контролем России. Усилиями ряда киевских и московских чехов Чешская Дружина, сформированная из добровольцев-русских чехов при офицерах российской армии общим числом порядка 1000 человек, 28 сентября 1914 года на Софийской площади в Киеве приняла присягу¹⁷⁸. Усилиями В. Вондрака и А. Тучека в декабре 1914 года удалось достичь того, чтобы Дружине было позволено пополнять свои ряды из числа военнопленных, которые «тотчас при взятии в плен» сразу проголосовали за вступление добровольцами в ряды Дружины и при условии ручательства чешских организаций¹⁷⁹. Наконец в январе, в штабе верховного главнокомандующего представители киевских, В. Вондрак, Й. Йиндржишек и Ф. Дедина, подали обращение к верховному главнокомандующему, в котором официально просили разрешить создание чехословацкого войска, которое бы при оккупации чехословацких земель стало фундаментом чешской армии, а также просили, чтобы российская сторона опубликовала заявление о будущей судьбе Чехии¹⁸⁰. С аналогичным обращением В.Вондрак обратился к министру иностранных дел С.Д. Сазонову¹⁸¹.

Этими действиями, о которых их соотечественники в России были информированы постфактум, была в значительной мере predeterminedена

---

177 Папоушек, С. 47-48

178 Петров Становление Чешско-словацких частей в составе Российской армии, С. 311

179 № 39, С. 106-107

180 № 48, С. 121

181 № 53, С. 135

деятельность Союза в отношении войска, главным образом, когда I Съезд Союза эту деятельность одобрил. В связи с этим члены Правления Союза подготовили к 31 марта 1915 года докладную записку «О формировании чешского войска из военнопленных чехов и словаков»¹⁸², аналогичную обращениям киевских от января 1915 года, и содержащую как просьбу, чтобы Россия заявила о независимости Чехословакии, так и просьбу о предоставлении займов и т.д. Несмотря на всевозможные усилия Клецанды, предпринимаемые для того, чтобы меморандум был принят советом министров¹⁸³, это предложение было отклонено как нежелательное, что следует из писем председателя Совета министров И.Л. Горемыкина С.Д. Сазонову¹⁸⁴ и начальнику Штаба Верховного главнокомандующего¹⁸⁵. Но, как пишет Папоушек, этот неуспех, вызванный преждевременным вмешательством В. Вондрака, не сокрушил Клецанду, а просто побудил к тому, чтобы он больше не поддерживал в военном вопросе тактику В. Вондрака и Тучека, «отдающих предпочтение обширным маневрам, нежели завоеванию позиции за позицией»¹⁸⁶. В согласии с Правлением Союза, и, возможно, со своими близкими друзьями, к которым уже тогда кроме петроградских и нескольких московских и варшавских его соотечественников, относился и Б. Павлу, он сосредоточился на скромнейшей рабочей задаче, ведущей, однако, к той же цели, задаче организовать профессиональных квалифицированных военнопленных и использовать их некоторое время на заводах, работающих на оборону России. При этом он не требовал многого от российских властей и скорее стремился им доказать, что в осуществлении этого плана интересы России совпадают с интересами чехов и словаков. Папоушек, описывая неудачную попытку Клецанды подать подобное предложение в августе 1915, утверждает, что использование

182¹ № 67, С. 158-161

183¹ Папоушек, С. 51

184¹ № 69, С. 163-164

185¹ № 70, С. 165

186¹ Папоушек, С. 51

военнопленных на производстве «в другом государстве было бы осуществлено по собственной инициативе»¹⁸⁷.

Клецанда, однако, не отчаивался даже тогда и продолжал терпеливо работать, будучи удовлетворен тем, что не был отвергнут вовсе. После многих вмешательств ему удалось выудить в октябре, по крайней мере, принципиальное согласие с его проектом, выраженное в отношении Отдела по устройству и службе войск ГУГШ Правлению Союза¹⁸⁸. После этого военными властями в лагеря военнопленных были отправлены анкеты, информирующие военнопленных в главных чертах о том, что происходит, и содержащих между прочим просьбу ответить на вопросы, является ли кто из военнопленных специалистом в какой-нибудь сфере, и кто бы хотел добровольно работать на оборону России¹⁸⁹. Но и эта акция начала вязнуть в российском бюрократическом аппарате, так как процесс этой мирной мобилизации был слишком вялый: анкеты были возвращены генеральному штабу, где их рассортировали и отправили в правление Союза заявление, чтобы оно подтвердило, что просители надежны, и что главное управление генерального штаба может сосредоточить их в специальных концентрационных лагерях, где бы уполномоченные правления Союза еще раз проверили их надежность до того, как работодатель примет их на работу¹⁹⁰. При таких обстоятельствах Правлению Союза и Клецанде не оставалось ничего, кроме как сосредоточить свое внимание на плане еще более узком и конкретном, а именно на плане доставки квалифицированных рабочих в Таганрог на военный завод, директором которого был инженер В. Громадко, который поспособствовал успеху этой акции. Среди документов Иржи Клецанды хранится письмо Громадки от 22 июля 1915 года с просьбой исходатайствовать для пленных чехов разрешение на работу на предприятии «Герлих и Пульст»¹⁹¹. Только этот план, по преодолении ряда сложностей,

---

187 Там же, С. 52

188 № 98, С. 205

189 № 96, С. 202-203

190 Папоушек, С. 52

191 РГИА, Ф. 863, Оп.1, Д. 60

имел фактический успех, так что в апреле 1916 года было начато его осуществление.

Как план чехословацкого войска, так и план по использованию военнопленных для работы на оборонных предприятиях России, предполагали одновременное действие: организовать вокруг Союза чехословацких обществ военнопленных, пропагандируя среди них антиавстрийскую программу. Это было нелегко по ряду причин. Лагерь военнопленных были рассеяны по России, и, как пишет бывший военнопленный Папаушек, «местные военные власти иногда даже затрудняли их обмен письмами с Союзом»¹⁹². Речь шла о том, чтобы улучшить положение военнопленных и добиться для них хотя бы минимальных преимуществ, которые бы морально укрепили их в убеждении, что их вера в Россию оправдана, что Россия, по крайней мере, смотрит на них с дружелюбием, в отличие от военнопленных мадьяр или немцев. Поэтому усилия Клецанды касались и этих дел, а результатом их было то, что ГУГШ в лагерь военнопленных было направлено ряд указаний, в числе которых «Правила для содержания чешских и словацких пленных на сельско-хозяйственных работах», «Правила приема военнопленных на работу для российских предприятий», принятые Эвакуационным отделом ГУГШ 17 декабря 1916 г и 30 апреля 1916 соответственно¹⁹³. Эти документы устранили перегибы, допускаемые некоторыми местными властями, не желающими, например, допускать, чтобы антиавстрийски настроенные военнопленные были размещены исключительно в областях, где бы их не беспокоили и не задирали немцы и мадьяры¹⁹⁴.

Эти усилия, улучшающие моральное положение военнопленных, были, однако, только малой частью программы, которую в отношении военнопленных Клецанда был вынужден выполнять. Существенней было

---

¹⁹² Папаушек, с. 53

¹⁹³ Остроухов А.И. Положение чехов и словаков в российском плену в период первой мировой войны (по материалам российских архивов), С. 59-60

¹⁹⁴ Там же.

налаживать и сохранять контакты с группами военнопленных, завербованных в Дружину, на оборонные работы, или к иной антиавстрийской деятельности. Эта работа Клецанды была в этом отношении облегчена тем, что у него не было потребности в поиске военнопленных, поскольку они сами обращались к Союзу, как, например, пленный чех врач Рудольф Раш из лагеря под Нижним Новгородом, для которого Клецанда составлял прошение об устройстве по профессии¹⁹⁵, все же эта работа была очень сложной, так как с большим трудом можно было осилить поток корреспонденции, который накапливался в Союзе. Несмотря на то, что Клецанда делал все, что мог, он не избежал упреков в том, что он не отвечает на письма, не устраивает мелкие ходатайства, и вообще не организывает движение военнопленных в том темпе, в котором необходимо. До какой меры были эти упреки несправедливы, стало ясно уже в конце 1915 года, потому что даже с помощью нескольких освобожденных и привезенных в Петроград для сотрудничества военнопленных (Шпачек, Дутка, Маркович, Частка, Заплетал) было невозможно осилить все возрастающие потребности организаций военнопленных. Упрек, что Правление Союза, а именно его секретарь не в состоянии справиться с движением военнопленных, свидетельствует как раз наоборот о том, насколько его работа была действенна и основательна, когда переросла уже силы нескольких работников¹⁹⁶.

Заслугу в развитии движения военнопленных Клецанда, однако, делил со своими петроградскими друзьями, а именно с Б. Павлу, которому правление Союза доверило издание газеты «Чехословак», поскольку на этой газете лежала вся тяжесть долга политического информирования военнопленных, моральной поддержки их борьбы против Австрии и воспитание будущей чехословацкой армии.

Б. Павлу облегчил работу Клецанды и по другой причине. Он взял на себя серьезную задачу Союза об информировании российской общественности известиями и статьями, помещавшимися в российской

---

¹⁹⁵РГИА: Ф. 863, Оп. 1, Д. 18, Л. 1

¹⁹⁶Папоушек, С. 54

печати. Но Клецанда, очевидно, не мог быть спокоен, если бы не был задействован и в этой работе, почему опубликовал несколько статей на чешском, предназначенных для дела пропаганды среди военнопленных: «Stát československý»¹⁹⁷ с изложением проекта независимой Чехословакии, «Slovensky či slovacky?»¹⁹⁸ с небольшой историко-лингвистической справкой об этом этнониме. Пока Клецанде хватало сил, он помогал в просвещении российской общественности. Вместе с Б. Павлу организовывал вечера обсуждений в славянских обществах и политических клубах, вместе с ним поддерживал контакты с российскими политическими деятелями, например, с П. Н. Милюковым, депутатами М.А. Карауловым, И.Н. Ефремовым, Е.П. Ковалевским и другими. Вместе с Б. Павлу Клецанда разделил заслугу в том, что создал вокруг Союза круг друзей чехословацкой идеи, к которому среди именитых относились, например, М.М. Ковалевский, К.Я. Грот, А.А. Шахматов, Н.В. Ястребов и много других.

Наконец, Клецанда помогал информировать российскую публику статьями на русском языке, опубликованными в «Чехословаке», темы которых показывали, что они были очевидным откликом на неблагоприятные мнения российской общественности о чехословацком вопросе, которые Клецанда имел возможность вычитывать в газетах¹⁹⁹, или слышать при своих личных встречах. Как в 1914 году, так и в этот период он посвятил главное внимание словацкому вопросу, а именно мадьярской пропаганде, как например в статьях «Мадьярский вопрос»²⁰⁰ и «Еще одно слово о мадьярском вопросе»²⁰¹. Другие его статьи, за исключением одной, «Чехия и австрийской бюджет»²⁰², в которой доказывалась возможность самостоятельного развития чешской экономики в случае отделения от Австрии, а данные статистики, размещенные в виде нескольких таблиц, подтверждали выражение автора о

197[□] Čechoslovák, 1915 (24), S. 3-5

198[□] Čechoslovák, 1915 (22), S. 4-5

199[□] См. Меньшиков М.О. Pro domo sua // Новое время, 1915 (10 сентября); Погодин А.Л. Каково должно быть отношение России к будущей свободной Чехии? // Утро России, 1916 (16 января).

200[□] Čechoslovák, 1915 (27), S. 4

201[□] Čechoslovák, 1916 (30), S. 5

202[□] Čechoslovák, 1915 (4), S. 2-4

том, что «чем более Королевство Чешское приносит доходов, тем менее получает на благоустройство»²⁰³. Такие статьи, как «Чего мы ждем»²⁰⁴ или «Около Государственной Думы»²⁰⁵ по большей части были скорее общего характера, и в них Клецанда стремился убедить российскую общественность в том, что ее безразличие к славянским вопросам, особенно к чехословацкому, вредит интересам России. Нет никакого сомнения, что его замечание адресовано официальным кругам российской общественности, как и статья «К университетскому уставу»²⁰⁶, в которой автор сетовал на существующее недостаточное укомплектование Петроградского Университета кадрами, которые бы знакомили студентов с языками, историей и литературой других славянских народов. Наконец, на ту же публику были ориентированы статьи и всеобщего характера, как статья, которые, стараясь быть более чем лояльными, обобщали все, что Россия до сих пор предприняла по отношению к чехословацкому вопросу, одновременно взывая к четким и очевидным дальнейшим действиям.

Усиленная пропагандистская деятельность, проводимая Клецандой вместе с Б. Павлу, могла показать определенный успех уже в начале 1916 года. Среди прочего, некоторые друзья чехословацкого народа были привлечены ими, что особенно проявилось в выступлениях депутатов Е.П. Ковалевского и П.Н. Милюкова в Государственной Думе 24 марта 1916 года, когда они, впервые заявив с трибуны о разделе Австро-Венгрии, затронули и чехословацкую проблему²⁰⁷. Тот факт, что был сломлен лед безразличия российской общественности, имел большое значение в будущем. С той минуты несколько российских общественных деятелей, особенно П.Н. Милюков, не только встали в первые ряды борцов за полное удовлетворение чехословацких требований, но и следили за ходом чехословацкого движения со вниманием, что пришлось движению очень кстати, когда в конце 1916 и

---

203 *Čechoslovák*, 1915 (4), S. 3

204 *Čechoslovák*, 1915 (1), S. 4

205 *Čechoslovák*, 1915 (10), S. 1

206 *Čechoslovák*, 1915 (6), S. 4

207 № 170, С. 301-302.

начале 1917 года в Союз разбил политический кризис. Насколько вырос круг друзей чехословацкого народа, показывает среди прочего заседание Правления Союза, которое проводилось при почетном председательстве академика М.М. Ковалевского²⁰⁸, так как на этом заседании, где главными ораторами были проф. Ястребов, директор французского института Патолле и депутат Е.П. Ковалевский, участвовал не только член русской интеллигенции, но и представитель министра иностранных дел барон Шиллинг, наряду с представителями югославянской и польской общественности²⁰⁹.

Политическая и пропагандистская деятельность, какой ее развернул Клецанда, могла быть еще более действенной и основательной, если бы на Клецанде не лежала тяжесть мелкой работы, вытекающей из неотложной задачи улучшения правового положения чехов, бывших австро-венгерских подданных. Речь шла о десятках и сотнях отдельных случаев, в которых быстрое вмешательство могло сохранить не только личный покой соотечественников, но и их экономическую позицию, которая для возможного дальнейшего финансового развития движения была значительна с точки зрения народа. Клецанда и в этом случае провел большую работу, так как в значительной мере, благодаря его вмешательству, отдельные проблемы русских чехов и словаков были решены правительственными постановлениями, которые в своей совокупности урегулировали правовое положение чехов и словаков почти в полной мере. Среди прочего усилиями Клецанды был окончательно разрешен и неудобный вопрос правового положения чехов и словаков, бывших австро-венгерских подданных, которые вступили в начале войны в Чешскую дружину²¹⁰. Разрешение этих вопросов имело для дальнейшей военной деятельности Союза решительное значение, и не только потому, что приведением в порядок правового положения русским чехам и словакам было разрешено финансово поддерживать

---

208 Фирсов, С.107

209 Папоушек, С. 57-58.

210 № 181, С. 321

чехословацкое революционное движение, но и потому, что таким образом Союз избавился от значительной части делопроизводства, что дало ему возможность сосредоточиться главным образом на реализации основных целей.

Было бы ошибочно полагать, что вся эта деятельность Клецанды была с благодарностью встречена всеми русскими чехами и словаками. Наоборот. Нашлось достаточно тех, кто выражал свое с ним несогласие и непонимание, или чье честолюбие затруднялось отсутствием дисциплинированности²¹¹. Киевская воинская комиссия, в которой также был В. Вондрак, еще в начале 1915 года друг Клецанды и ярый противник Тучека, обеспокоенная видимо тем, что по причине целесообразности в Правление Союза были выбраны одни петроградцы, выступала, все более самостоятельно, аргументируя свое поведение автономностью воинской комиссии. Вмешивалась в учреждения без согласия с центром, часто не сообщая ему о результатах своих вмешательств. Напряженность отношений между Киевом и Петроградом, которая тогда возникла, едва ли облегчала работу Клецанды, тем более тогда, когда в конце 1915 - начале 1916 года киевские начали как среди русских чехов, так и среди военнопленных открытую кампанию против петроградских, обвиняя их в медлительности при реализации программы, которую сформулировал I Съезд, а именно в безразличии к осуществлению воинских требований²¹². Единственной мерой противления этому было единомыслие петроградских чехов и словаков, с которыми рука об руку шли варшавские чехи и словаки²¹³. Поэтому не удивительно, что Клецанде и его друзьям досталось в конце концов за всю их успешную работу такое весьма скверное признание заслуг и неблагодарность, и что на II Съезде Союза в Киеве фронт недовольных, ведомый Киевом, методом демагогии заставил петроградских, чтобы они оставили дальнейшую деятельность в ведении чехословацких дел в России²¹⁴.

211¹ № 187, С. 334

212² Клеванский, С. 37-39

213³ Папаушек, С.

214⁴ Фирсов, С, 72

Клецанда, а вместе с ним и петроградское Правление, несмотря на устроенные гонения, по праву могли быть спокойны за проделанную работу. За период, проведенный на посту секретаря, Иржи Клецанда всеми возможными способами помогал продвижению чешского дела. Во-первых, он продолжал писательскую деятельность, посвятив ряд статей различным аспектам чешского вопроса в целях более близкого ознакомления как чехов, так и русских читателей. Во-вторых, несмотря на всю тяжесть российского бюрократического аппарата, делал все возможное как для снятия санкций с чехов - российских и австрийских подданных, так и для облегчения участи военнопленных, добившись для них существенных послаблений в режиме, регламентированных официальными документами. В-третьих, благодаря своим связям в российских академических кругах содействовал привлечению к чешскому делу известных деятелей науки и политиков, что поднимало авторитет Союза Чехословацких обществ в глазах российских читателей.

§ 3. Петроградская оппозиция.

Следующий этап, начавшийся II Съездом и переходом Правления Союза к руководителям воинской комиссии в Киеве, заканчивается февралем 1917 года. За это время Клецанда, как один из активных сотрудников «петроградской оппозиции», вынужден был, помимо работы по чешскому делу, участвовать в идеологических боях сразу на два фронта – против

киевских по вопросу о военнопленных и против царской администрации, навязывавшей чехам с осени 1916 года подконтрольную себе организацию во главе с Й. Дюрихом. Нам будет интересно взглянуть, каким образом Иржи Клецанда участвовал в этих противостояниях.

Киевский съезд, который пренебрег опытом Клецанды и вынудил петроградцев предоставить в организационных делах свободу действий киевским, имел влияние на дальнейшее направление деятельности Клецанды.

Съезд Союза принял новый устав, который в отличие от старого, гласил, что Союз учреждается «для содействий созданию самостоятельного чешско-словацкого государства на основании полного равноправия и координации этих двух братских народов, для набора и организации чешских и словацких войсковых частей и совместной работе с русской армией...». Кроме этого, Съезд отправил в Париж телеграмму, содержащую признание Чешского заграничного комитета, руководимого Т.Г. Масариком, «верховным органом политической деятельности»²¹⁵. Вероятно, Клецанда первое время смирился с политическим поражением и, решив, что новое Правление следует по пути, в целом совпадающему со взглядами его самого, на время отошел от противостояния с земляками.

С того времени он сосредоточился исключительно на пропаганде чехословацкой идеи. В дальнейшем он поддерживал личные связи с правительственными кругами, как в министерстве иностранных дел, так и в генеральном штабе, а частыми контактами с русскими академическими и политическими кругами он планировал завершить то, что вместе с Б. Павлу начинал как секретарь правления Союза. По мнению Папоушека²¹⁶, на счет Клецанды в значительной мере стоит отнести размышление Милюкова, опубликованное в ежегоднике «Речи» за 1916 год²¹⁷, которое характеризовало развитие чехословацкого революционного движения и его цели так точно, что еще сегодня могло быть переиздано. 2 февраля 1917 года к Иржи Клецанде

---

²¹⁵Клеванский, С. 40

²¹⁶Папоушек, С. 62

²¹⁷Милюков П.Н. Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. СПб., 1916. С. 56.

обратился К.Я. Грот с просьбой помочь в розыске бывшего служащего петербургского учетного и ссудного банка Владимира Горачека²¹⁸. Итогом этой деятельности был проект профессоров Петроградского Университета, В.А. Караваева, А.А. Шахматова, Н.В. Ястребова и других, заключавшийся в приглашении проф. Масарика для чтения лекций в университете, проект, имевший значительный политический привкус, поскольку показывал, что российская передовая общественность принимала идеи Т.Г. Масарика, расходящиеся с позицией властей.

Первоначальное решение Клецанды посвятить себя исключительно пропагандистской деятельности было недолгим. Папоушек пишет о том, что характер деятельности нового Правления Союза подтолкнул его к тому, чтобы вмешаться, пусть и не напрямую, в его дела²¹⁹. Со своими петроградскими, московскими и варшавскими друзьями, особенно с Б. Павлу, он, как свидетельствует его статья о Киевском съезде²²⁰, не желал мириться с неблагодарностью, которая стала уделом его друзей, и в отличие от тех, кто был с этим непосредственно связан, он стал сперва внимательно следить за их работой, особенно когда видел, с каким пренебрежением машут руками над его мелкими, но значительными успехами в вопросе военнопленных²²¹. Папоушек замалчивает один важный эпизод, о котором свидетельствуют, по крайней мере, два документа – судебный процесс между Иржи Клецандой и С. Коничком (Коничком-Горским), известным чешским деятелем русофильской ориентации. Первый документ, датированный 21 июня 1916 года, это письмо неизвестного лица Й. Коутняку, с описанием встречи с Л.А. Бобринским и А.И. Геровским, в котором автор пишет, что один из них «о Клецанде отзывался с похвалой, упомянув процесс Клецанды против Коничека. (То есть, Клецанда обвинил Коничека в австрийском шпионаже)²²²». Вторым документом является письмо самого Клецанды А.А.

---

218 РГИА: Д. 61

219 Папоушек, С. 53

220 *Čechoslovák*, 1917 (89), S. 3-4

221 Папоушек, С. 53

222 № 200, С. 369

Шахматову, от 2 сентября того же года, в котором Клецанда «покорнейше просит извинить его за проявленную смелость», когда он указал имя Шахматова в списке свидетелей со своей стороны по делу Коничек-Клецанда, связанному с клеветой, где Клецанда выступает ответчиком. Объясняет он свой поступок надеждой, что Шахматов не откажет подтвердить слова академика Корша о Коничке, и предполагая предварительно получить от Шахматова согласие, но ему помешал это сделать приезд Дюриха и большое количество работы. В суд Клецанда просит не являться²²³. Получается, что было два взаимных процесса. К сожалению, нам не удалось узнать, в чем конкретно состояла причина конфликта, однако еще осенью 1915 года в статье «Чехословака», посвященной разоблачению «самозванного» православного чешско-славянского общества в Москве, Клецанда характеризовал одного и его организаторов, Коничека, как отрицательного персонажа, который в свое время «подвизался на поприще «славянского объединения», (...) но так и не смог найти почву (...) имеет приемы науськивать одних против других, не объединять, а разъединять. Так поступал и во время своего заграничного путешествия, особенно во Франции и в Америке, где чуть ли не рассорил чешские и словацкие организации»²²⁴.

Клецанда не хотел мешать работе Союза, а хотел только быть на страже для того, чтобы обезопасить чешскую акцию. Не было ничего удивительного в том, что он стал смотреть на работу Союза с недоверием, однако даже не сомневаясь в доброй воле киевских²²⁵. Возможно, у Клецанды еще с 1915 года были сомнения насчет целесообразности и успешности тактики больших жестов и плана, которого так охотно придерживался В. Вондрак. Неудача воинского обращения Вондрака в январе 1915 года едва ли мог убедить в целесообразности военных планов, с которыми новое Правление Союза предстало перед российскими властями. Тем не менее Клецанда, как пишет знавший его Папоушек, не был человеком, который бы

---

²²³ АРАН: Ф. 134, Оп. 3, Ед. 678, Л. 22-23

²²⁴ Čechoslovák, 1915 (19), S. 1-2

²²⁵ Папоушек

пребывал в своих сомнениях и занимал отрицательную позицию по отношению к Правлению Союза, если бы реальность доказала его неправоту. Поэтому несмотря на все те сомнения дело шло к примирению петроградских и московских, представленных Б. Чермаком, Б. Павлу и Клецандой, с Правлением Союза уже только потому, что тогда между большинством киевских и петроградских не было еще других разногласия кроме разных взглядов на тактику²²⁶. Возможно, это бы действительно произошло, однако Союз не использовал подходящее для примирения время. Позднее, когда реальность показала, что первые успехи Союза были лишь мнимыми, Правлению Союза, очевидно, не хватило смелости, чтобы соглашением с петроградскими признать, что их сомнения о чересчур далеко идущих планах были оправданы.

Но примирение было возможно и позднее, даже тогда, когда палка, которую подняли киевские против петроградских, начала бить другим концом, то есть, когда лагеря военнопленных, разочарованные, что за известиями об одобрении планов Союза о войске и освобождении военнопленных ничего не следует, начали его забрасывать такими же резолюциями несогласия, которые в свое время киевский печатный орган «Чехослован» применял против петроградских²²⁷.

Вредило делу то, что на спор стали оказываться влияния, которые усложняли существующую борьбу за тактику борьбой за политическую программу. Осью тех влияний был советник МИДа по чехословацкому делу Приклонский, а их инструментом стал депутат австрийского парламента Й. Дюрих. Дюрих, будучи заместителем председателя ЧНС, был отправлен Т.Г. Масариком в Россию для организации там филиала ЧНС и достижения договоренности о переброске военнопленных чехов во Францию²²⁸. В письме директора Дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову от 6 августа 1916 года

---

²²⁶ Там же.

²²⁷ Папоушек, С. 7

²²⁸ № 324, С. 614

высказывается идея о том, что Дюрих, «как лицо, представляющее наиболее благоприятное нам течение в Чехии... мог бы явиться у нас полезным противовесом элементам, господствующим в Правлении Союза чешско-словацких обществ и тяготеющим к направлению Масарика»²²⁹, а в письме от 25 августа содержится информация о визите в Ставку М. Штефаника, отправленного из Парижа присматривать за Дюрихом, предлагавшего объединить чешскую деятельность в России, а во главе поставить Дюриха, назначив ему сотрудников (Чермак, Павлу, Клецанда, Вондрак) по соглашению с ЧНС²³⁰. Летом 1916 года Приклонским на повестку дня был поставлен вопрос о лидере чехословацкого движения на Руси и его отношении к центральной чехословацкой заграничной организации, Чехословацкому Национальному Совету²³¹. Поэтому петроградцы, ничего не подозревая, демонстративно приветствовали депутата Дюриха²³², а киевляне, с другой стороны, также ничего не подозревая и очевидно полагая, что депутат Дюрих объединился с петроградцами, приветствовали его холодно, что очень раздражало военнопленных. Так получилось, что петроградцы и киевляне выступили перед военнопленными снова отдельно, и это в минуту, которая требовала обратного²³³. В результате оказалось, что масса военнопленных приняла сторону Дюриха, и что Приклонский убедился в предположении о правильности своего решения сделать депутата Дюриха лидером чехословацкого движения на Руси, совершенно независимого от парижского Национального Совета, руководимого Т.Г. Масариком. Несмотря на то, что как петроградцы, так и киевляне в скором времени поняли, что допустили тактическую ошибку, и вскоре по приезде Штефаника объединились и вынудили депутата Дюриха подписать так называемый «Киевский протокол»²³⁴, который признавал учреждение Национального

229[¶] № 221, С. 423

230[¶] № 425, С. 428-429

231[¶] Савваитова, С. 123-124

232[¶] Čechoslovák, 1916 (54), S. 1

233[¶] Папоушек, С. 65

234[¶] № 229, С. 437

совета во главе с Т.Г. Масариком, было уже поздно. «Киевский протокол» не был признан российским МИДом (равно как и французским правительством и самим ЧНС), а Правлению Союза дали понять, что дальнейший успех чехословацкого движения будет возможен лишь в случае сотрудничества с депутатом Дюрихом.

Мы упоминаем обо всех этих спорах потому, что главным делом Клецанды становится задача возобновления единства движения. Клецанда участвовал в переговорах о «Киевском протоколе» и всех дальнейших переговорах, которые велись в Петрограде, результатом которых стало согласие всех чехословацких организаций на создание нового Народного Совета с депутатом Дюрихом во главе²³⁵. Папушек особо отмечает, что «об этой его деятельности свидетельствует ряд документов, из которых особенно интересны ежедневные записи Клецанды киевского периода, когда велись переговоры о «Киевском протоколе»²³⁶.

Клецанда, разумеется, с радостью встретил известие о приезде депутата Дюриха, поскольку в его личности он видел представителя главной революционной организации, представляющей волю народа за границей. Хотя вся его предыдущая деятельность, начиная с «Записки императору Николаю II» 1914 года, свидетельствовала о том, что единственно решающим фактором в национальных вопросах он всегда считал сам народ, он все же не сомневался, какую позицию следует занять по отношению к политику, который хоть и приехал с родины, но, однако, поддался впечатлению от царского всемогущества настолько, что под влиянием министерства иностранных дел был готов отказаться от принципа единства чехословацкой революционной акции, олицетворенной Национальным Советом. Впрочем, доверительная позиция депутата Дюриха по отношению к царской власти, тогда уже представленной Штюрмером, едва ли могла привлечь Клецанду, хотя и не перестававшего верить в победу России, однако, имевшего оправданные сомнения о верности политических целей, к которым шла

---

²³⁵ Папушек, С, 66

²³⁶ Там же.

Россия при Штюмере²³⁷. К этому еще добавились сведения с подробностями, характеризующими выступления Дюриха во Франции, вместе с известиями, отраженными позже в Записке Штефаника министру Н.Н. Покровскому, о его дружбе с одной стороны с Коничеком, а с другой стороны с Штерном, сопровождающим Дюриха в России, который ни в Париже, ни в России не снискал доброй репутации²³⁸. Не удивительно, что Клецанда, после первого энтузиазма по поводу приезда Дюриха, вскоре отрезвел и одновременно с Б. Павлу, Б. Чермаком и остальными петроградскими и московскими друзьями занял определенную позицию в деле единства чехословацкого движения. По мнению Папаушека, это решение «было для него облегчено тем, что Клецанда еще с 1915 года был знаком с деятельностью Масарика, и знал не только о том, что она была запрещена дома, но и о той конкретной и успешной работе, которую проф. Масарик уже вел за границей»²³⁹. Поэтому с минуты, когда российским министерством иностранных дел был поставлен вопрос: Масарик или Дюрих, он решительно занял сторону Б. Павлу, который в письме Я. Папоушеку от 28 ноября 1916 года перечислял фамилии оппозиционеров (Чермак, Клецанда, Рейман, Швиговский), созвавших специальное совещание по выработке совместных действий против Дюриха²⁴⁰. Клецанда взял на себя заботу о связи с властями, с российскими политическими, академическими и журналистскими кругами и переписку с заграницей, особенно с Национальным Советом и организациями в Соединенных Штатах, с которыми был в контакте еще с 1915 года, о чем говорит письмо на чешском языке из фонда Клецанды в РГИА, судя по всему составленное им самим, в США с характеристикой деятельности чешских обществ в России во время Первой мировой войны²⁴¹. В частности, в письме Шахматову от 26 января 1917 года, Клецанда сообщает, что «Павел Николаевич просил назначить совещание на вторник 31-го января вечером.

---

237 Папоушек, С. 67

238 № 324, С. 615

239 Папоушек, С. 68

240 Фирсов, С. 80

241 РГИА: Ф. 863, Оп. 1, Д. 17, Л. 1

Относительно думских членов, пока имеют быть приглашенными Маклаков, Львов и Шульгин. Из намеченных Вами-же, П.Н, просил пока не приглашать П.А. Львова и ни в коем случае Е.П. Семенова»²⁴². Возможно, именно это собрание М. Штефаник имеет ввиду в письме от 21 февраля 1917 года Т.Г. Масарику, отмечая, что не смог прийти на собрание, организованное Милюковым, из-за болезни, но общался с ним и с «профессорской группой Шахматова» об организации чешского дела, которым заинтересовался Милюков²⁴³. Участие в совещание, организованное с подачи лидеров российской оппозиции, доказывает, что благодаря своим связям Клецанда мог обеспечить распространение влияния чешских идей на в высшие слои российского общества.

Деятельность Клецанды в период конца 1916- начала 1917 годов не ограничивалась только пропагандой чехословацкого вопроса, переговорами и борьбой за единство движения, хотя и на то, и на другое уходило много времени. Возможно, осознание долга привело его к участию в переговорах о создании чехословацкого войска: «Особенно с того момента, когда генералу Червинке российские власти доверили выработку и обсуждение проекта воинской организации, он старался помочь ему изо всех сил. В такой же мере он старался облегчить военные переговоры Штефанику, как в первый, так и во второй приезд его в Россию»²⁴⁴. К этой работе, которая относилась к компетенции Правления Союза, по мнению Папоушека, Клецанду привело недоверие к А. Тучеку, руководителю воинской комиссии в Киеве, и его прямым последователям: «Он не верил в искренность его упорства по созданию большой армии, и до конца подозревал его в том, что своей деятельностью он затрудняет создание армии. Клецанда не был единственным, кто так считал»²⁴⁵. При таких обстоятельствах не удивительно, что Клецанда вел переговоры о воинских делах со своими знакомыми из

242⁵АРАН: Ф. 134, Оп. 3, Ед. 678, Л. 24

243⁵№ 330, С. 638

244⁵Папоушек, С. 68

245⁵Там же.

генерального штаба²⁴⁶, стараясь, чтобы период внутренней сумятицы не повредил вопросу, решение которого международная ситуация все больше выдвигала на передний план.

В конце параграфа хотелось бы отметить, что в условиях неразберихи, вызванной как расколом Союза, так и приездом Дюриха, в которых Клецанда и его петроградские коллеги находились с мая 1916 по февраль 1917, во многом определили характер их деятельности в этот период. Во-первых, это предпринятая попытка примирения с лидерами других обществ, слишком поздно закрепленная «Киевским протоколом» при посредничестве М. Штефаника. Во-вторых, это борьба, хоть и не открытая, с навязываемым Народным Советом Дюриха за единение с ЧНС. В-третьих, это вновь пропагандистская работа, постепенно дававшая свои плоды.

---

²⁴⁶Там же.

§ 4. В революционной России.

Последний параграф второй главы освещает, возможно, самый насыщенный событиями период: две революции 1917 года и начало Гражданской войны. С падением царизма становится возможным воплощение проекта Т.Г. Масарика и М. Штефаника о создании Отделения ЧНС в России, а приезд самого лидера революционной акции в Петроград в мае 1917 года, придает большой вес стараниям чешских деятелей. Формирование Чехословацкого корпуса, насчитывающего к октябрю 1917 года порядка 45000 человек, завершается накануне большевицкого переворота, и положение корпуса на несколько месяцев становится основной проблемой, связывающей руководство ЧНС и большевиков. В этот ответственный для чехословацкой акции период Иржи Клецанда достиг максимальной высоты в своей общественной и политической карьере, став сначала личным секретарем Т.Г. Масарика, а позже, по его предложению, уполномоченным ЧНС при Ставке. Нам стоит проанализировать то небольшое количество источников, в которых отражается деятельность Клецанды на последнем периоде его жизни, чтобы подвести конечный итог всей его работе.

Клецанда, как и его приятели, не предвидели, что их борьба за единство дела, за основательность в решении воинского вопроса, а в конце концов и за большее участие военнопленных в организации чехословацкого дела в России, будет вознаграждена успехом так быстро, как это оказалось. Они нашли неопцененого союзника в русской революции, которая устранила

основное препятствия для благоприятного развития чехословацкой акции: царский МИД. То обстоятельство, что министром иностранных дел стал старый друг петроградских, П.Н. Милюков, избавила движение от хлопот с Народным Советом Дюриха, который после революции отказался признать и Союз, руководимый В. Вондраком. Единство тогда, по сути, было возобновлено, оставалось лишь возобновить существование авторитетной центральной чехословацкой организации на Руси, которой больше не мог быть все еще существующий Союз, не только потому, что его авторитет был подорван уступчивостью его деятельности по отношению к давлению со стороны министерства иностранных дел, но и из-за неотложной потребности обеспечить большее влияние на развитие организации людям, которые знали обстановку в лагерях военнопленных.

Первым попытался это предпринять М. Штефаник, который, используя ситуацию, созданную министерством Милюкова, хотел заменить существующий Союз так называемым Отделением Чехословацкого Национального Совета, члены которого были бы назначены Национальным Советом, или его представителем. Среди тех, кого Штефаник хотел видеть в этой новой главной организации, как он сообщал М.Г. Масарику в письме от 22 февраля 1917 года был и Клецанда, которому Штефаник выдал бумагу, согласно которой Клецанда именовался, как и некоторые другие, уполномоченным Национального Совета²⁴⁷. П.Н. Милюков, однако, не хотел обещать ничего, с чем бы профессор Масарик не высказал прямо согласие. Он отдал решение о признании Отделения ЧНС и позволил Союзу, чтобы он продолжал работать. В Письме от 14 марта 1917 года военному министру А.И. Гучкову он пишет: «Что касается вопроса о центральном органе, объединяющем представительство чехов и словаков в России, то вопрос этот желательно пока отставить открытым, впредь до приезда в Россию профессора Масарика»²⁴⁸. Действительно, насчет следующих шагов должен был решить, в любом случае, Съезд Чехословацкого движения, который на

---

²⁴⁷РГИА: Ф. 863, Оп. 1, Д. 1, Л. 30

²⁴⁸№ 339, С. 665

этот раз уже не имел характер простого съезда представителей чехословацких обществ, а был в то же время съездом, в котором помимо представителей российских чехов имели полное право принимать участие не только делегаты чехословацкой бригады, но и организаций военнопленных, члены которых присоединились к антриавстрийской борьбе. Еще в феврале 1917 года Б. Павлу в письме Я. Папушеку излагая позицию петроградских, одним из пунктов указал: «Мы требуем, чтобы представителем национального элемента считали не только Союз, но и самую существенную ветвь – военнопленных»²⁴⁹. Поэтому помимо некоторых вмешательств в пользу признания Отделения Национального Совета, Клецанда участвовал в подготовительных совещаниях, которые проводились так называемой петроградской оппозицией вместе с представителями военнопленных, среди которых некоторые прибыли прямо из лагерей²⁵⁰.

III Съездом чехословацких обществ в Киеве, организованном в указанном масштабе, уже в первые его дни, за свои прежде проявленные представительские способности Клецанда был выбран первым из четырех секретарей съезда²⁵¹. Папоушек, являясь тогда одним из тех четырех секретарей вспоминает, как он «сам имел возможность непосредственно наблюдать его работу и удивляться его поворотливости, с какой он осиливал кучу бумаг, на которые нужно было или ответить, или которые нужно было перевести на русский»²⁵². Наряду с Я. Папоушеком и п П. Максой, который вместе с другими вырабатывал политическую резолюцию Съезда, Клецанда был автором нескольких текстов, среди которых и листовка с обращением «В Чешские земли и Словакию»²⁵³. Съезд определенно и единогласно принял тезис о единстве чехословацкой революционной акции, руководимой Национальным Советом во главе с Т.Г. Масариком²⁵⁴, и доверил Клецанде и его петроградским и московским приятелям исполнение их обязанностей в

249¹Фирсов, С. 84

250¹Папоушек, С. 71

251¹№ 349, С. 683

252¹Папоушек, С. 71

253¹№ 350, С. 684

254¹Клеванский, С. 81-82

искупление той неблагодарности, которой оплатил за их работу в 1915-1916 годах II Съезд. С восторженного согласия съезда с одной стороны проф. Ястребов, с другой – сам Съезд, решили торжественно избрать Иржи Клецанду первым секретарем Отделения Национального Совета²⁵⁵.

Т.Г. Масарик приехал в Петроград в начале мая, и стал проверять старые и налаживать новые контакты, прощупывая почву для дальнейших переговоров о чехословацком войске. Клецанда, который еще не очень овладел своими секретарскими обязанностями, начал работать с Масариком, которого в первую очередь волновало, чтобы воплотился в жизнь старый план Национального Совета от 1916 года – перевезти значительную часть чехословацких добровольцев во Францию²⁵⁶.

Как вспоминает Папоушек, «Клецанду первое время беспокоил этот план, который позже, собственно говоря, спас наше войско. Понимая его правильность и целесообразность, он все же был против идеи, чтобы двадцать, тридцать тысяч добровольцев покинули Россию, в которую он еще верил, что она нанесет Австро-Венгрии смертельную рану. С другой стороны, он переживал, что энергичнейшее применение этого плана может осложниться хотя бы тем, что российский генералитет еще не забыл, как в первые дни по приезде в Россию за этот план агитировал депутат Дюрих, или его последователи, способом, который неприятно затрагивал российский престиж»²⁵⁷. Масарик в своей «Мировой революции» тоже «отмечает бросающееся в глаза недоверие и непонимание военных чиновников по отношению к чешским просьбам»²⁵⁸. Тем не менее несмотря на все сомнения Клецанда исполнял директивы проф. Масарика в точности и благодаря своим старым связям с российским генеральным штабом действительно помог осуществлению этого плана²⁵⁹.

255⁵ № 350, С. 683

256⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция: в 2 т. Т. 1. Прага, 1926. С. 177.

257⁷ Papoušek, J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 75.

258⁸ Масарик Т.Г. Мировая революция. С. 175.

259⁹ Papoušek, J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 75.

Ежели первые переговоры о плане перевоза во Францию Клецанда усердно организовывал скорее потому, что того требовал вождь революции, то другое требование Т.Г. Масарика, касающееся политических и воинских вопросов, Клецанда исполнял не только как обязанность, но и с инициативой долга перед делом, которое было близко его сердцу. На первом месте был вопрос самостоятельной чехословацкой армии, который против всех ожиданий, что русская революция поможет его решить, сталкивался с препятствиями, вытекающими как из политической и экономической ситуации в России, так и по неосведомленности российских революционных деятелей о целях и значении чехословацкой акции. Папоушек пишет, что Т.Г. Масарик стал моральной опорой для Клецанды, дезинтегрированного событиями после отставки первого революционного кабинета министров, поскольку симпатизировал кадетам, а сам Масарик нашел в Клецанде исполнителя своих требований, так хорошо знающего отношения в российских учреждениях, и позволившего этим Т.Г. Масарику избежать возможных ошибок²⁶⁰.

Старания Масарика и Клецанды были, однако, вскоре существенно облегчены победой Чехословацкой Бригады у Зборова, после которой министр Керенский выразил согласие с неограниченным пополнением бригады. Почти сразу выразил согласие с ходатайством Масарика, переведенным Клецандой, и штаб верховного главнокомандующего²⁶¹.

Совместная работа Масарика и Клецанды над независимой армией этим успехом не завершилась, скорее стоит отметить, что только началась; поскольку только теперь, когда было разрешено неограниченное пополнение подразделений добровольцами, можно было идти дальше и добиваться как признания автономности армии, так и снабжения ее вооружением и экипировкой в такой мере, которая бы позволила выступить в качестве

---

260 Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 78.

261 Захаров А.М. Чехословацкие добровольцы в сражении при Зборове (2 июля 1917 г.): Зарождение национально-революционной традиции // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 38-39.

самостоятельной военной единицы. Речь, разумеется, не шла о том, чтобы исполнялись конкретные насущные потребности, а подразумевалось скорее одобрение в общих чертах программы, которая бы облегчила работу организаторам армии. С этой целью Масарик стал активнее посещать Ставку и выезжать в отдельные чехословацкие подразделения, а Клецанда в период с конца июля по сентябрь сопровождал его в этих поездках²⁶². Теоретически результат был позитивным – в начале октября 1917 года Н.Н. Духонин, новый Верховный Главнокомандующий, выразил согласие с проектом профессора Масарика²⁶³, который был предложен Клецандой, и который предполагал среди прочего: создание самостоятельного армейского корпуса, командующим которым должен стать ген. Шокоров, введение в данном корпусе французского дисциплинарного устава, использование чехословацкого войска только против внешних неприятелей России, избрание П. Максы представителем Национального Совета при командующем корпусом, а Иржи Клецанды представителем Национального Совета в Ставке.

Одобрение этого проекта было событием, положительное значение которого стало известно лишь в будущем. Де факто этим проектом был признан международный характер корпуса и допускалось, чтобы в критическую минуту, которые настали с заключением советской властью мира с Германией, он был провозглашен автономной частью французской армии.

Одобрение проекта самостоятельного корпуса, в чем была немалая заслуга Клецанды, среди прочего означало, что той же минуты Национальный Совет имел в Ставке своего формально уполномоченного представителя²⁶⁴.

---

262 Papoušek J. Jiří Klecanda. *Vojovník za věc národa*. S. 78.

263 Записка «для памяти» председателя ЧСНСовета Т.Г. Масарика в Штаб Верховного главнокомандующего (Ставку) по вопросам формирования ЧЕШКО-СЛОВАЦКОГО корпуса (29 сентября 1917 г.) С. 835-836.

264 Телеграмма дежурного генерала при Верховном главнокомандующем Г.И. Кортацци по адресатам о назначении уполномоченных ЧСНСовета при Штабе Верховного

Клецанда по праву заслужил то, что был им избран. И в этом звании ему удалось еще много преуспеть. Большой его заслугой в тот период было информирование Национального Совета, в какой мере осложнил ситуацию в армии большевицкий переворот, и какие настроения, сомнения и опасения охватывают Ставку²⁶⁵.

Разложение русского фронта, большевицкий переворот и известия о советско-германском сепаратном мире вынуждали Т.Г. Масарика и Отделение Национального Совета стараться обеспечить безопасность чехословацкому корпусу, который, при продолжающемся разложении, мог оказаться в очень сложном положении. Еще в ноябре Клецанда информировал Масарика и П. Максу, как в кругах Ставки смотрят на план, который появился в Киеве и целью которого было обновление фронта против Германии совместными усилиями румынской армии и чехословацких, украинских и польских воинских подразделений. Позже, в январе, когда Клецанда был уже в Киеве, пришли предложения с Дона, где генерал Алексеев организовал сопротивление новой советской власти. В конце концов была возможность отправки Чехословацкого Корпуса во Францию, согласно достигнутого ранее соглашения. Все эти возможности были Масариком вместе с Клецандой, Максой и остальными членами Отделения подробно всесторонне изучены. В итоге к реализации третьей возможности – ускоренной эвакуации во Францию, принудили обстоятельства²⁶⁶. Папоушек, прямой свидетель происходящих событий, свидетельствует, что «Клецанда присутствовал на всех встречах, касающихся тех вопросов, и после провозглашения Чехословацкого Корпуса частью армии во Франции Масарик поручил ему подготовку в Москве и Петрограде отправление корпуса во Францию, которое, согласно первоначальным планам, должно было проходить через Архангельск. Еще в пребывание проф. Масарика в Москве

главнокомандующего (Ставке) и при командире Чешско-Словацкого корпуса. С. 837

²⁶⁵ Papoušek J. Jiří Klecanda. *Vojovník za věc národa*. S. 80.

²⁶⁶ Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и борьба за независимость чехов и словаков. С. 156.

были Клецанде проф. Масариком поручены все дальнейшие переговоры не только с советскими властями, но и с представителями союзных держав, особенно с французами. В день своего отъезда, 7 марта 1918 года, проф. Масарик подписал бумагу, который называл Иржи Клецанду своим заместителем по политическим делам»²⁶⁷.

Сотрудничество Клецанды с Масариком за весь период пребывания проф. Масарика в России не ограничилась переговорами по военным вопросам. С самого начала, из-за знания дела, из-за личных связей, из-за накопленного опыта и последнее, но самое важное – из-за знания русского, он был правой рукой Масарика и в других отношениях. Так он договорился в министерстве иностранных дел о признании чехословацкого Национального Совета представителем народа. Особенно помогал Масарику в составлении меморандума о военных делах и переводил на русский. По большому счету переводил на русский и другие статьи и речи Масарика. По указанию Масарика выработал наряду с П. Максой и ряд других проектов помимо меморандума. Папоушек сообщает о найденном в бумагах Клецанды проекте обращения к русским и украинским делегатам, отъезжающим на мирные переговоры в Брест-Литовск, скорректированный Масариком²⁶⁸.

Вся эта работа и переговоры, естественно, лишили Клецанду возможности участвовать в этот период в печатной пропаганде, как в первые годы сопротивления. Кроме того, он постоянно был завален целой бездной работы как секретарь Отделения, хотя большую часть той работы принял на себя доктор Маркович.

Клецанда отдался работе сразу по отъезде Масарика. Работы и планов было достаточно. Особенно частые, теперь ежедневные интервенции в комиссариаты, целью которых было побороть недоверие, изменить возражения местных советов против проезда Корпуса, договориться об условиях безопасности его пути. К этому периоду относится его общение с

---

²⁶⁷ Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 80.

²⁶⁸ Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 82.

Л.Д. Троцким, с которым Клецанда обсудил также и вопрос дальнейшей антриавстрийской революционной деятельности в России. Клецанда в ту минуту еще считался с возможностью, что фронт немецко-русский, точнее немецко-советский, будет возобновлен, и планировал организовать в этом случае другую воинскую единицу²⁶⁹. Для этой цели канцелярия Отделения Национального Совета должна была быть перемещена в Омск, где были хорошие возможности для спокойной работы и откуда было ближе к многочисленным военнопленным, живущим на тот момент в Сибири.

Уклончивые ответы, которые Клецанда получал во время своих переговоров с большевиками, возбудили в нем сомнение, что советские деятели ведут себя честно. Утвердило его в этом мнении недоверие советских деятелей к корпусу, задачи и цели которого они не понимали, что Клецанда трактовал как нежелание помочь Чехословацкому революционному движению. Крайне его беспокоило и раздражало то, например, обстоятельство, что Троцкий не хотел поверить его утверждению, что настроение войска исключает какое-либо сотрудничество с Семеновым. В этом настроении, которое было ухудшено недоверием Клецанды к советской власти из-за брест-литовского мира, не удивительно, что он пригрозил Троцкому военной силой²⁷⁰. После этих переговоров Клецанда в удрученном состоянии отъехал к корпусу в направлении Омска. Как пишет Папоушек, «последним известием о Клецанде, кроме его сообщения, что пензенский договор был необходим, было известие о его смерти от пневмонии в Омске 28 апреля 1918 года»²⁷¹.

---

²⁶⁹ Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 83.

²⁷⁰ Papoušek J. Jiří Klecanda. *Bojovník za věc národa*. S. 83.

²⁷¹ *Ibid.*

Заключение

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники:

- 1) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 1
- 2) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 103
- 3) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 17
- 4) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 18
- 5) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 56
- 6) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 6
- 7) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 60
- 8) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 61
- 9) РГИА. Ф. 863 Оп. 1 Д. 7
- 10) СПФ АРАН. Ф. 134 О. 3 Д. 678. Л. 27

Опубликованные источники:

- 1) Klecanda J. Vzpominka (moravskym ucitelum) // Čechoslovák. 1915. № 2. S. 2.
- 2) Klecanda J. Slovensky ci slovacky? // Čechoslovák. 1915. № 22. S. 4-5.
- 3) Klecanda J. Stát československý // Čechoslovák. 1915. № 24. S. 3-5.
- 4) Słownik dołnoserbskeje řecy a jeje narěcow. Praha. Nákladem České akademie věd a umění. 1928.
- 5) Б. Моравские певцы // Славянские известия. 1913. № 43. С. 603.
- 6) Бернштейн Н. Театр и музыка. Зал Дворянского собрания // Санкт-Петербургские ведомости. 1913. № 274. С. 5.
- 7) Добро пожаловать! // Čechoslovák. 1916. № 54. S. 1-2.
- 8) Каталоги (II). Списки сербских периодических изданий, книг и брошюр. Спб., 1913. [С автографом «Юрий Клецанда» на первой странице].
- 9) Клецанда И. Еще одно слово о мадыарском вопросе // Čechoslovák. 1916. № 30. S. 5.
- 10) Клецанда И. К университетскому уставу (вопрос о лекторах славянских языков) // «Čechoslovak». № 6. S. 3.
- 11) Клецанда И. Мадыарский вопрос // Čechoslovák. 1915. № 27. S. 4.
- 12) Клецанда И. О нашем съезде // Čechoslovák. 1917. № 89. S. 3-4.

- 13) Клецанда И. Общество православных Чехо-славян в Москве // *Čechoslovák*. 1915. № 19. S. 1-2.
- 14) Клецанда И. Около Государственной Думы // *Čechoslovák*. 1915. № 10. S. 1.
- 15) Клецанда И. Чего мы ждем // *Čechoslovák*. 1915. № 1. S. 4.
- 16) Клецанда И. Чехия и австрийской бюджет // *Čechoslovák*. 1915. № 4. S. 2-4.
- 17) Милюков П.Н. Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. СПб., 1916. С. 56.
- 18) Моравские певцы-педагоги (Банкет Славянского Общества) // *Славянские известия*. 1913. № 57. С. 776-778.
- 19) Обзорение трудов по славяноведению, составляемое А.Л. Бемом, М.Г. Долобко, Ю.И. Клецанда, С.С. Лисовским, Вс. И. Срезневским, М. Р. Фасмером и А.А. Шахматовым / Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. 1. СПб., 1913.
- 20) Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1912 г. СПб., 1912.
- 21) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в Петрограде за 1911 и 1912 год. СПб., 1913.
- 22) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1880 год, СПб, 1881.
- 23) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1884 год. СПб., 1885.
- 24) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1887 год. СПб., 1899.
- 25) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1904 год. СПб., 1905.
- 26) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1907 год. СПб., 1908.
- 27) Отчет Чешского Вспомогательного Общества в С.-Петербурге за 1909 год. СПб., 1910.
- 28) Отчет Юр. Ив. Клецанды о поездке по Чехии и Моравии для пополнения книжных запасов Славянского Отдела Библиотеки. // Отчет Отделения рус. яз. и словесности Акад. Наук за 1914 г. Пг., 1914. С. 83-85.

- 29) Погодин А.Л. Россия и Чехия // Утро России. 1916. № 16. С. 1.
30) Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920.

Документы и материалы. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг. М., 2013. 1016 с.

Литература:

1. А.Муратов, Д. Муратова. Две аудиенции // Русское слово (Прага). 2010. № 2. С. 22-25.
2. Захаров А.М. Чехословацкие добровольцы в сражении при Зборове (2 июля 1917 г.): Зарождение национально-революционной традиции // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 36-40.
3. И.М. Порочкина, И. В. Инов. Чехи в Санкт-Петербурге: 1703-2003. СПб., 2003.
4. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и военные формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965. 393 с.
5. Лаптева Л.П. Сурбулужицкий национальный деятель Арношт Мука (1854-1932) и его связи с русскими учеными // Славяноведение. 2005. № 4. С.
6. Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм, 1898-1914. М., 1984.
7. Остроухов А. И. Положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны (по материалам пражских архивов) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 1. С.85-92.
8. Остроухов А.И. Положение чехов и словаков в российском плену в период первой мировой войны (по материалам российских архивов) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 4-5. С. 58-63.
9. Попов А. Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914-1917 гг. // Красный архив. 1929. № 2. С. 3-33.
10. Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 113-126.

11. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы:
Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. 512 с.
12. Серапионова Е.П. Начало Первой мировой войны, чешское общество и его политические лидеры // Запад–Восток. Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2014. С. 16-25.
13. Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012. 336 с.
14. Kudela, J. O Jiřím Klecandovi. Brno, 1928. 22 s.
15. Papoušek, J. Jiři Klecanda. Vojovník za věc naroda. Praha, 1928. 248 s.